

Вера
КРЫЖАНОВСКАЯ

Сочинения

Маги

Вера Крыжановская-Рочестер

Гнев Божий

«Public Domain»

1910

Крыжановская-Рочестер В. И.

Гнев Божий / В. И. Крыжановская-Рочестер — «Public Domain»,
1910 — (Маги)

Именно в эпоху вырождения, когда падает вера, разлагается семья, а разврат и порок овладевают обществом, тогда-то с наибольшей силой и свирепствуют страшные эпидемии. Преграда, созданная вмешательством светлых сил, рушится, а всякого рода излишества и беспутства порождают смертоносные микробы поварных болезней, физических и духовных, проистекающих из преступных деяний. В книге «Гнев Божий» читатель вновь встретится с героями предыдущих оккультных романов В. И. Крыжановской «Эликсир жизни» и «Маги». Действие развивается в будущем – около середины третьего тысячелетия и пропитано духом грядущей катастрофы, коварные семена которой высеваются и в наши дни. Рецепт избежания трагедии в общем-то прост, и воспользоваться им можно и нужно уже сегодня.

© Крыжановская-Рочестер В. И., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	38
Глава шестая	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вера Ивановна Крыжановская

Гнев Божий

«Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются»

Псал. LXXXI, 5.

«И услышал я из храма громкий голос, говорящий семи Ангелам: идите и вылейте семь чаш гнева Божия на землю»

Апок. XVI, 1.

Часть первая

Глава первая

Первые лучи восходящего солнца заливали золотом и пурпуром вечные снега вершин Гималаев.

Затем животворное светило озарило глубокую долину, окаймленную отвесными остроконечными скалами и рассеченную бездонными, казалось, пропастями. По крутой, вившейся по окраине скал тропинке, едва доступной горным козам, медленным, но уверенным шагом шли трое в костюмах индусов.

Впереди шел человек высокого роста, худой, с бронзового цвета лицом. Это был мужчина средних лет; в его больших черных глазах светились такая непреклонная воля и могучая сила, что всякий невольно проникался уважением и даже трепетом.

Оба его спутника были красивые молодые люди, серьезные и задумчивые.

Когда головокружительная тропинка вывела их на площадку, все трое остановились передохнуть и прислонились к скале.

– О чем задумался, Супрамати? – с улыбкой спросил человек с бронзовым лицом.

– Засмотрелся на удивительно величавые и дикие окрестности, на черные причудливые скалы и это мрачное узкое ущелье, кажущееся бездонной пропастью. Право, можно подумать, что это один из входов в ад, о чем повествовал Данте. Даже карандаш Доре не сумел бы создать что-либо более фантастичное, чем эта поражающая действительность. И по таким-то дьявольским местам, истинному олицетворению бесплодия и смерти, мы идем к источнику жизни нашей планеты?... Далеко ли до него, Эбрамар?

– О! Нам предстоит еще порядочный переход, – ответил тот. – Мы обогнем этот угол скалы, а там-то и находится расщелина, служащая входом в подземный мир, куда нам надо пойти. Итак, в дорогу, друзья! Я вижу, что Дахир горит нетерпением.

Тот, к кому относились эти слова, слегка покраснел, но не протестовал.

С легкостью и уверенностью настоящих серн все трое обогнули угол скалы и вошли в узкую и темную, находившуюся по другую сторону расщелину.

Очутились они в темном извилистом проходе, который понемногу расширялся. Как только они были в состоянии свободно двигаться и стоять, путники зажгли висевшие у поясов факелы и бодро продолжали путь.

Читатели, знакомые с первыми двумя частями этой эпопеи – «*Эликсир жизни*» и «*Маги*», узнали уже, вероятно, индусского мага Эбрамара и двух его учеников, членов Братства Бес-

смертных, молодого врача Ральфа Моргана, ставшего, по вступлении своем в таинственное общество, принцем Супрамати, и Дахира, легендарного капитана призрачного корабля.

Оканчивая первый круг своего *посвящения* молодые люди вернулись в Индию для продолжения обучения под руководством Эбрамара.

Быстро продвигались они по проходу, который становился постепенно широким и сводчатым, а при свете факелов принимал все более и более волшебный вид.

Висели причудливой формы сталактиты; крупные и блестящие, как алмаз, капли застывали по стенам, и мало-помалу все принимало зеленоватый оттенок.

Вдруг за поворотом они очутились в пещере средней величины, которая при огне факелов засветилась словно исполинский изумруд.

Молодые люди вскрикнули от восторга.

– Боже! Какое великолепие! В сто раз красивее голубой пещеры на Капри! – восхищался Дахир.

– Раз это место вам нравится, остановимся здесь, чтобы передохнуть и подкрепить свои силы, – сказал Эбрамар, втыкая свой факел в расщелину и садясь на большой камень.

Спутники последовали его примеру.

Потом они достали из мешочка круглые хлебцы и маленькую скляночку с молоком, а Эбрамар вынул из-за пояса хрустальную коробочку с шариком из розового ароматного теста и проглотил его.

– Любопытно было бы узнать, каким образом и кем был открыт этот путь к источнику *Жизненного эликсира*?

Нелегко найти его смертному и нелегко идти по нем даже «бессмертному», – заметил Супрамати.

– Если хотите, пока мы отдыхаем, я расскажу вам легенду о том, как была открыта первобытная эссенция, – сказал Эбрамар.

Заметив живой интерес и любопытство учеников, маг тотчас начал свой рассказ.

– В столь отдаленное время, о котором в истории не сохранилось даже никакого намека, в одном городе, на месте которого веками уже растут девственные леса, жил ученый индус по имени Угразена.

То был святой старец, примерной жизни и глубоко ученый. Но его не любили в родном городе, а многие даже ненавидели, потому что он строго осуждал пороки своих сограждан, не щадя никого, и безжалостно раскрывал и преступления и проступки.

Он жил один в скромном домике, недалеко от одного из больших храмов, и люди избегали его, опасаясь его суровых речей.

Любила и почитала святого старца одна только молоденькая баядера при храме. Она посещала его, приносила пищу, чистое платье и вообще помогала ему, сколько могла, особенно с тех пор, как Угразена, много лет страдавший глазами, ослеп.

Но враги святого старца нашли этот момент самым удобным для мести и решили сначала изгнать его из города, а затем убить.

Случайно баядера узнала об этом умысле, предупредила старца и бежала с ним, решив посвятить себя служению ему.

Хотя слепец и молодая девушка скрылись в горах, тем не менее бегство их открылось, враги напали на след их и погнались за ними.

Беглецы достигли самых недоступных мест, а слепец, не переставая, возносил хвалу Бrame и призывал его на помощь.

Бог привел их в расщелину одной скалы, где они и укрылись, напав на тот подземный путь, по которому мы теперь идем; но только шли они в темноте, не зная, куда идут.

Старец был спокоен, а молодая девушка плакала с горя, глаза ее распухли так, что она сама стала почти слепой.

Вдруг услышали они глухой шум водопада и когда баядера протянула руку, то почувствовала, как будто какая-то жидкость потекла по ее пальцам.

Так как оба умирали от жажды, то баядера опустила свою каменную чашу в то, что приняла за воду, напоила Угразену и напилась сама.

В ту же минуту баядере показалось, словно ее ударило по голове, а тело точно пожирал огонь. Она подумала, что умирает, и без памяти упала на землю.

Сколько времени прошло, она не могла сказать, но когда очнулась, то подумала, что видит волшебный сон.

Она лежала около ручья жидкого огня, а в нескольких шагах от нее была обширная, залитая светом пещера, и там каскадом извергался поток того же жидкого огня.

Не успела еще она прийти в себя от изумления, как увидела склонившегося над нею прекрасного молодого незнакомца.

Она вскрикнула и вскочила на ноги в сильном испуге, но он сказал ей:

– Я – Угразена и не понимаю, каким чудом ко мне вернулась молодость.

Сначала она не хотела ему верить, но увидав на нем сотканную ею же самую одежду для ученого старца, услышав от него такие эпизоды, которых никто другой знать не мог, она убедилась в истине.

Они вошли в пещеру, чтобы поближе увидеть сказочное зрелище и тогда в углублении заметили величавого старца, спросившего их, что им надо.

Они ответили правду, и тогда хранитель источника сказал:

– Как мне назвать вас, которых Брама привел сюда, счастливыми или несчастными? Но вы вкусили первобытную эссенцию, которая есть жизненный эликсир, и не умрете; будете жить долго, почти вечно. Наполните же вашу чашу драгоценной влагой и давайте ее лишь тем, кого полюбите всем сердцем.

Баядера наполнила свою чашу, затем они ушли и вернулись к людям.

Никто не признал Угразены; а он со своей подругой поселился впоследствии в горах, и стали они основателями Братства Бессмертных.

Эбрамар умолк, с задумчивой грустью глядя на своих учеников, которые сосредоточенно слушали его.

– Счастливы мы, в самом деле, или несчастливы? – спросил Супрамати.

– Несчастливы! – ответил Дахир. – Да, несчастливы, потому что уже короткая сравнительно жизнь в каких-нибудь 60—70 лет может разочаровать человека и вызвать жажду смерти. Какую же пытку претерпеваем мы, обреченные влачить бесконечную жизнь тупых, лукавых, мелочных, лживых и порочных людей, не имея к тому же ничего общего с тем обществом, в котором время от времени вынуждены жить и видеть, как все вокруг нас умирает. Живые загадки, люди иного мира, храня в усталой душе воспоминания и впечатления стольких веков, стольких различных цивилизаций, вечно одинокие и чужие среди кишашего вокруг нас, быстро сменяющегося человечества, мы втройне несчастливы!

В его голосе слышалась невыразимая горечь, а на глаза Супрамати навернулись слезы.

– Чтобы скрасить вашу долгую жизнь, дети мои, и дать ей цель, вам предоставлена наука, чистая и великая наука, которая возвышает вас над невежественным человечеством, порочным именно вследствие своего невежества. Вам открыто более ясное и совершенное понимание Божества; для вас поднята завеса, скрывающая от других невидимый мир; вам, наконец, открыт доступ к самым необычайным, великим тайнам природы, как например та, которой вы сейчас будете любоваться.

Голос Эбрамара звучал строго и вместе с тем ободряюще.

Слова его произвели мгновенное действие. Молодые люди ободрились и выпрямились.

Прости нам, учитель, слабость, недостойную того знания, какое мы уже приобрели, – сказал Супрамати. И также нашу неблагодарность за все дарованные судьбою благодеяния, – прибавил Дахир.

– Я вижу, что вы уже победили случайное, мимолетное малодушие; а то, что вы увидите, окончательно примирит вас, надеюсь, с вашим положением «бессмертных». В дорогу, друзья мои! – сказал вставая Эбрамар с ласковой улыбкой.

Все трое пустились снова в путь.

Подземный проход, по которому они шли, все расширялся, своды делались выше, спуск становился более покатым, по сторонам открывались боковые проходы, а факелы вскоре оказались лишними, потому что появился полусвет какого-то неопределенного оттенка. И вдруг перед ними открылось такое волшебное, до того необычайное зрелище, что Дахир с Супрамати онемели от изумления и остановились.

На первом плане была громадная арка, высеченная в своде самой природой наподобие врат готического собора. За этим входом простиралась колоссальная пещера со сводом, терявшимся где-то в недостижимой высоте. Ослепительный, но вместе с тем удивительной мягкости свет озарял все кругом; сталактиты и сталагмиты в его блеске сверкали, словно драгоценные камни. Пол пещеры повышался широкими, отлогими ступенями и за верхней высилась громадная, в несколько метров толщиной струя, вершина которой терялась в недостижимой высоте свода.

Окруженная тучей сверкающих брызг, таинственная влага била огненными фонтанами с золотыми и пурпурными оттенками. Клокотавшие волны катились по ступеням, у подножия которых был просторный бассейн, а излишек изливался ручьями в многочисленные боковые галереи, одни высокие и широкие, другие низкие и узкие, как расщелина. Над бассейном, как и вверху, над всей пещерой, в виде облака витал золотистый пар.

Супрамати и Дахир застыли, восхищенные сказочной красотой картины. Очарованный взор их блуждал от огненного водопада к причудливым кружевам, которые покрывали стены, свешивавшимся гирляндам, нишам и колонкам. А все это блестело, сверкало и переливалось разными цветами: темно-синими, как сапфир, красными, как рубин, зелеными, как изумруд, или фиолетовыми, как аметист.

– Всемогущий Боже, какие чудеса создала Твоя премудрость, и благость Твоя даровала нам счастье любоваться ими! – прошептал Супрамати, прижимая обе руки к груди.

– Да, дети мои, велика милость Создателя, дарующего нам возможность приблизиться к одной из высочайших тайн творения. Ваше смущение и волнение естественны, потому что вы видите перед собою *источник жизни*, сущность питания планеты, очаг сохранения и обновления действующих и творческих сил природы. Прежде девять подобных источников насыщали планету; теперь шесть из них иссякли, а три оставшиеся уже утратили часть своей силы. Когда исчезнет последний из них, холод и смерть охватят нашу землю.

– А тогда? – прошептал Супрамати.

– Тогда мы покинем обреченную на гибель землю и поищем пристанища на новой планете, чтобы там выполнить наш последний долг «посвященных» и сложить, наконец, телесное бремя; а затем вернемся в мир загробный. Но это еще так далеко, что пока не стоит и думать о нем, – прибавил Эбрамар, заметив, что его спутники вздрогнули и побледнели.

– А теперь, дети мои, помолимся!

Только в эту минуту Дахир и Супрамати заметили, что перед бассейном находился как бы престол.

Это был прозрачный, широкий, кубической формы камень, и на нем на подставке из того же вещества стояла хрустальная чаша, наполненная первобытной эссенцией, из которой исходил огненный пар. Над чашей витал прозрачный сияющий крест.

Все трое опустились на колени, и из душ их полилась горячая молитва к Создателю всего сущего, верховному, неисповедимому Существо, от Которого исходит вся милость, вся мудрость и вся сила.

Поцеловав престол и чашу, Супрамати и Дахир встали.

– Теперь, сыны мои, вы видели то, что люди веками тщетно искали и ищут: «философский камень», «жизненный эликсир», «источник вечной молодости». Инстинкт и воспоминания подсказывают им, что сокровища эти существуют, но они не могут снова найти к ним дорогу.

– Учитель, так этот жертвенник и чаша – произведение рук человеческих? – спросил Супрамати.

– Да, они сделаны адептами, поочередно живущими здесь известное время. Они охраняют источник, и на них возложена обязанность следить за силой фонтана и точно измерять ее понижение, хотя медленное, но непрерывное. Работа эта утомительная, требующая столько же знания, сколько величайшей точности, но зато она оказывает громадное действие в смысле очищения их тел. Так, за все пребывание здесь они не нуждаются в пище, ибо аромат источника вполне ее заменяет. А теперь дальше, в путь.

В последний раз молодые люди в немом благоговении взглянули на волшебную картину источника жизни и пошли вслед за Эбрамаром, который вошел в один из боковых проходов пещеры.

Дорога круто поднималась, и местами в скале были высечены ступеньки. Опасный путь освещался светильниками, подвешенными к сводам или укрепленными в расщелинах скалы.

Через несколько часов хода они дошли, наконец, до обширной пещеры, озаренной голубоватым светом.

Перед ними расстилалась гладкая поверхность подземного озера.

На столбе, стоявшем у берега, висел металлический колокол. Эбрамар позвонил три раза и через несколько минут появилась маленькая лодка с гребцом в белом одеянии. Как только она причалила, трое путешественников вошли в нее, Супрамати и Дахир взяли за весла, а гребец сел за руль.

Это был красивый молодой человек с задумчивым, грустным лицом; в глазах его светилось то странное выражение, которое отличает «бессмертных».

Лодка стрелой неслась по озеру, потом по каналам, то узким, то широким, извивавшимся причудливыми зигзагами.

Вдруг подземный канал сделал поворот под прямым углом, и Супрамати ахнул от изумления.

Легко, словно ласточка, лодка скользнула в узкое отверстие в скале и вошла в средней величины озеро, залитое солнечными лучами.

Озеро это лежало посреди глубокой и, по-видимому, не имевшей выхода долины. Со всех сторон возвышались отвесные скалистые горы с убеленными вечным снегом вершинами, уходившими в облака. Только по самому краю воды возвышавшаяся террасами полоса земли была покрыта роскошной растительностью.

В одном месте полоса эта значительно расширялась, и там на возвышении виднелся приослоненный к скале маленький, совершенно белый дворец, выделявшийся, словно жемчужина, на фоне окутывавшей его зелени.

Через несколько минут лодка причалила к подножию мраморной лестницы, последние ступени которой спускались в воду.

Дахир и Супрамати дружески пожали руку своему рулевому, и затем все трое направились ко дворцу, вблизи еще больше чарующему, чем издали.

Построен он был из какого-то неведомого камня, белее мрамора, и в совершенно неизвестном стиле. Тонкая, как кружево, резьба украшала стены; воздушные колонки поддерживали крышу широкой террасы и потолок довольно обширной залы, следовавшей за сенями.

Эбрамар вывел их через множество комнат на открытую террасу, перед которой раскинулся сад.

На изумрудно-зеленой лужайке бродили, щипали траву, прыгали или лежали, растянувшись на солнце, самые разнообразные животные: большой тигр и медведь вперемешку с овцами, газелями, собаками, большими птицами и т. д. Супрамати удивленно смотрел на это странное сборище, а близость страшных хищников, говоря правду, внушала ему некоторый страх.

– Не бойся ничего, – заметил Эбрамар, отвечая на его мысли.

– Животные эти не знают человека в роли палача или врага, они видят в нем только друга. Одинаково они не причиняют вреда друг другу, а присутствие их здесь необходимо и предусмотрено.

Жилище это, друзья мои, будет служить для вашей подготовки. Здесь, прежде всего, вы насладитесь великим, разлитым всюду покоем; затем вы научитесь лучше сосредотачиваться, сделаете вашу мысль и волю подвижными, гибкими, как усовершенствованный инструмент.

Наконец, научитесь понимать язык низших существ, что вам знать необходимо; а достигнуть этого можно только среди безусловного покоя и гармонии. Здесь души наши освободятся от телесных цепей и почерпнут новые духовные силы.

Я покидаю вас, потому что вам нужен отдых. Сегодняшний день был полон волнений и утомителен даже для вашей исключительной натуры. Но я навещу вас, когда это понадобится, чтобы дать вам нужные указания в ваших занятиях, и буду руководить ими.

Еще одно последнее указание. В зале, смежной с этой террасой, вы ежедневно будете находить готовый обед; в другой зале, приспособленной для омовения, каждое утро *вы* будете брать ванну и сменять приготовленное вам там платье. А теперь проводите меня; я не могу дольше задерживать гребца.

На берегу озера Эбрамар дружески простился со своими учениками и вскочил в ожидавшую его лодку.

На этот раз он правил рулем, а легкая лодочка с быстротой птицы летела по воде и скрылась вдали.

Вернувшись на террасу, Супрамати и Дахир облокотились на перила и задумчиво любовались волшебной, дышавшей глубокой тишиной картиной.

Ни малейший ветерок не рябил прозрачной и гладкой, как зеркало, поверхности озера. Черные, белые и голубые, как сапфир, лебеди бесшумно и гордо скользили по глади вод, и только щебетанье птичек, порхавших вокруг террасы, точно живые и яркие драгоценные камешки, нарушало торжественную тишину.

Прервав наконец свои мечтания, молодые люди обошли свое новое жилище и подробно осмотрели его.

Дворец был не велик, но действительно являл собою странное и своеобразное произведение искусства, совершенно неведомого и невиданного.

Простая, но богатая обстановка соответствовала стилю, а шелковая материя, чуть не в палец толщиной, украшавшая двери и окна и покрывавшая диваны, была выткана на веки веков.

– Какая это неведомая раса высекала из камня такие кружева здесь, в этой затерянной и недоступной долине? – заметил Супрамати, с любопытством рассматривая оконные ниши.

– Когда мы в состоянии будем проникать в отражение прошлого и разбирать архивы нашей планеты, тогда и это узнаем, – улыбаясь, ответил Дахир.

Истинное удовольствие доставило им открытие библиотеки, где были во множестве собраны свитки папируса и древесной коры, дощечки, глиняные цилиндры, старые фолианты и даже современные книги.

– Кажется, здесь собрали литературу чуть не с сотворения мира, и ее хватит на века для удовлетворения умственных потребностей, – заметил Дахир.

– Благодаря Богу, во времени у нас недостатка не будет, – смеясь, ответил Супрамати.

– А теперь, – прибавил он, – пойдем, друг Дахир, поищем обед. Я ощущаю совершенно неприличный для подобной эстетической обстановки аппетит, но дерзкая, строптивая плоть не желает приспособляться к пище, состоящей исключительно из астральных течений.

Оба от души рассмеялись и отправились в указанную им Эбрамаром столовую.

Они нашли накрытый стол. Около каждого прибора был положен средних размеров круглый хлеб и стояли сосуд с молоком да две тарелки с рисом и политой маслом зеленью.

– Не особенно обременительно, – заметил с гримасой Супрамати. – Невольно вспоминаешь моего парижского повара и его обеды.

– И m-lle Пьеретту? – поддразнил Дахир. – Но успокойся. На десерт мы нарвем в саду фруктов. Я уже заметил здесь деревья всех стран, даже совершенно неизвестных пород, и все они гнутся под тяжестью плодов.

– Признаюсь, что о Пьеретте я меньше всего сожалею, но мне гораздо приятнее было бы увидеть хороший паштет. Хотя все-таки мысль твоя о десерте – превосходна, – добродушно ответил Супрамати, садясь за стол.

В конце этого скромного обеда Супрамати заметил около буфета несколько больших корзин с кусками хлеба, рисом и различными зёрнами.

– Что это? Трудно предположить, чтобы и это предназначалось нам. Не только два ученика мага, но даже несколько здоровых рабочих не осилили бы этих припасов, – заметил он.

– Я полагаю, что корзины предназначены для животных. Пойдем, снесем их на террасу. Если животные приучены, чтобы обитатели этого дома их кормили, то они сбегутся, увидя корзины, – ответил Дахир. Предположение его оправдалось.

Едва они показались со своей ношей, как животные, наблюдавшие, вероятно, за террасой, бросились толпой; даже белый слон вышел из древесной чащи.

Но, очевидно, между животными царил дружба и послушание, потому что они не толкались, не спорили из-за пищи, а терпеливо ожидали очереди.

Супрамати и Дахиру доставляло особого рода удовольствие видеть то доверие, с каким окружали их эти разнообразные животные.

Птицы без боязни садились им на плечи, другие близко становились около них; даже в глазах страшных хищников – льва, медведя и тигра – незаметно было обычного дикого и недружелюбного выражения.

Лев тоже подошел за своей порцией, и Супрамати, ободренный его кротостью, погладил его густую гриву, а животное ласково лизнуло ему руку.

– Животные подчиняются здесь как будто одному с нами правилу воздержания, ибо я сомневаюсь, чтобы нескольких горстей риса и кусочка хлеба было достаточно для удовлетворения аппетита медведя, льва или слона? – смеясь, заметил Супрамати.

– Вероятно, добрый гений, который заботится о нашем питании, кормит и наших четвероногих братьев. И то, что мы им дали, составляет десерт для поддержания товарищеских отношений, – весело ответил Дахир.

– А теперь, – прибавил он, – пойдем добывать свой собственный десерт.

Они спустились в роскошный сад, действительно изобиловавший великолепнейшими и необыкновенно вкусными плодами всех стран, а некоторые сорта показались им совершенно незнакомыми.

Насытившись, друзья вернулись во дворец отдыхать.

Они выбрали для спальни небольшую залу с двумя мягкими диванами. Среди глубокой, всеобъемлющей тишины слышалось лишь одно журчанье фонтана в ониксовом бассейне.

Супрамати с Дахиром улеглись и скоро уснули глубоким, укрепляющим сном.

Проснулись они уже поздно, но, помня указание Эбрамара, взяли ванну и переоделись в легкие полотняные одежды, уже приготовленные им.

Окончив затем скромный ужин, друзья уселись на террасе, выходящей на озеро. Сначала они беседовали, но понемногу каждый ушел в свои мысли.

В памяти Супрамати настойчиво пробуждались воспоминания прошлого.

Он видел себя бедным чахоточным врачом в своей маленькой лондонской квартире, где тогда его нашел Нарайяна и сделал ему необычайное предложение. Потом перед ним стали разворачиваться первые обстоятельства того странного и таинственного существования, на которое он добровольно себя обрек.

Как в калейдоскопе, мелькали разные сцены его жизни в Париже, Венеции и Индии, ожидали забытые образы Пьеретты, Лормейля и прочих попадавшихся ему на пути лиц.

Затем следовало первое посвящение, закончившееся прибытием его сюда, и, наконец, наступила разлука с Нарой, выдающейся, обаятельной женщиной, бывшей ему женой и оставшейся другом, верной спутницей жизни за время их долгого существования, тяжелого восхождения к совершенству.

Как живой встал перед ним образ молодой женщины, а жгучее чувство тоски и одиночества сжало его сердце.

Но в ту же минуту в лицо ему повеяло благовонное дуновение, а на лбу он ощутил ласковое прикосновение атласистой ручки и знакомый, любимый голос прошептал:

– Гони прочь волнующие тебя воспоминания прошлого. Открой глаза, любуйся, преклонись и благодари неисповедимое Существо, дающее тебе видеть чудеса, созданные Его премудростью. Видишь, души наши соединены по-прежнему и мое сердце ощущает всякое движение твоего.

Голос умолк, но к Супрамати вернулось спокойствие. Он провел рукою по лбу, выпрямился и вздрогнул. Взор его, точно заколдованный, не мог оторваться от бывшего перед ним волшебного зрелища.

Уйдя мыслями в старые воспоминания, Супрамати утратил представление о внешнем мире и не заметил, что наступила ночь. Луна залила все своим мягким и вместе с тем ослепительным светом.

Под лучами царицы ночи тихая гладь озера блестела, как серебряный диск; из темной зелени деревьев фантастически выделялись белые колоннады дворца, блестели и искрились брызги водопада.

Глубокий покой объял уснувшую природу и вдруг среди этого безмолвия послышалась неясная, нежная мелодия, точно далекий звук Эоловой арфы.

Дахир также встал, молча обнял друга, и оба они безмолвно глядели на небо, прислушиваясь к странной, чудесной музыке, какой никогда не слышали.

Мало-помалу в душе их воцарился светлый покой. Смущение, сомнение, тоска – все исчезло; изгладилось даже всякое воспоминание о прошлом и пропал страх перед будущим. Одно настоящее наполняло их. И как все здесь было чудесно, хорошо и величаво спокойно, вдали от людей, от лихорадочной сутолоки их жизни, интриг и дикого эгоизма!...

Если бы эта слепая, невежественная толпа, опьяненная животными страстями, запятнанная пороками, снедаемая болезнями, могла хоть на минуту испытать блаженство, которое дает душевный мир, созерцание природы, деятельное и здоровое существование, она, может быть, пробудилась бы от отвратительного кошмара, называемого ею «жизнью».

В эту минуту громадные столицы и кишашее в них население с его мелочной суетой, дрызгами и постыдной нищетой казались Супрамати просто отделениями ада, где люди приговорены жить в наказание.

Живо вспомнились ему слова, сказанные однажды Нарой перед его посвящением:

– Ты не можешь себе представить и понять то состояние блаженства, которое испытывает достигший известной степени очищения, потому что пока все твое существо еще наполнено беспорядочными и нечистыми токами, царящими здесь. Когда выходишь из храма света, где царит гармония, окружающие нас люди производят впечатление стада диких животных, готовых растерзать друг друга. И ничто не остановит их в безумном беге.

Они знают, что смерть сторожит их на каждом шагу, что каждую минуту она отнимает у них любимое и близкое им существо, а все-таки это не пробуждает в них сознания бренности всего земного.

Утром они плачут на похоронах, а вечером хохочут, пируют и пляшут. Отвратительны эти животные в человеческом образе, и маг беспомощно останавливается перед ними, не зная, чем взять их и как отрезвить их от опьянения плоти, влекущего на гибель.

Теперь Супрамати понимал ее. Он чувствовал, что с тела спадала тяжесть, что у души вырастали крылья и его охватило омерзение при воспоминании виконта де Лормейля или Пьеретты и прочих человекоподобных животных, – добычу смерти, скошенных уже временем, чтобы уступить место другим, столь же мимолетным и порочным существам.

О! Как он счастлив и обласкан судьбой сравнительно с другими! Им овладела потребность молиться, славословить, благодарить Великого Создателя всех чудес, которые ему дано было созерцать. Безотчетно почти он и Дахир опустили на колени.

Это не была определенно выраженная словами молитва, а из всего их существа исходило экстатическое, страстное излияние благодарности.

Когда после этого порыва к бесконечному, они снова почувствовали себя на земле, то заметили, что в них произошла какая-то перемена. Они чувствовали себя легче, гибче, а зрение и слух приобрели гораздо большую остроту. Словом, не будучи в состоянии ясно определить словами, они сознавали, что в них произошла непонятная реакция, и предположение это тотчас же почти подтвердилось.

Взглянув случайно на сад, Супрамати вздрогнул; он увидел теперь то, чего раньше никогда не замечал.

Из всякого растения исходил розоватый светящийся пар, а в чашечке ближайших к нему ползучих растений, обвивавших перила и колонны террасы, мерцали огоньки.

– Взгляни, Дахир, – сказал он, – на огоньки в чашечках цветов. Это ведь душа растения, божественная и несокрушимая искра, которая из бессознательного состояния пойдет со временем по тому же пути совершенствования, по какому идем и мы.

Дахир осторожно приподнял большой белый цветок, лежавший на балюстраде, и долго рассматривал его.

– Да. Может быть, это – душа будущего мага покоится в розовой чашечке, не сознавая своего будущего великого назначения, – заметил он задумчиво и потихоньку опуская цветок.

Они снова сели, не будучи в силах оторваться от обаятельного зрелища волшебной ночи, и вдруг им почудилось, что в хрустально чистом воздухе движутся призрачные существа в длинных развевающихся одеяниях. Они плавно летали, не касаясь вовсе земли, и, поднимаясь на недостижимую высь ледниковых вершин, исчезали из виду, словно расплывались в беловатом тумане. Были ли это ангелы или маги высших степеней, тела которых достигли достаточной легкости, чтобы возноситься в пространство и одной силою своей воли достигать желаемой цели? Когда первые лучи восходящего солнца разбудили спавшую природу, тогда лишь Супрамати и Дахир ушли с террасы.

– Боже мой, какие мы еще невежды, сколько вещей нам еще не понятно, а те немногие приобретенные нами познания, которые, к стыду моему, составляли предмет моей гордости, я не знаю даже, как применить здесь, – со вздохом произнес Супрамати.

– Все придет в свое время. Не забывай, что поспешность служит доказательством несовершенства, – ответил с улыбкой Дахир.

Глава вторая

Много недель прошло со времени прибытия Дахира и Супрамати в волшебную долину, а они еще не видали ни Эбрамара, ни одной живой человеческой души. Однако они не скучали и ничто не омрачало их ясного и спокойного настроения.

Они гуляли, с любопытством изучали незнакомые фауну и флору, в изобилии окружавшую их, и работали в библиотеке, содержащей настоящие сокровища науки, но вместе с тем множество трудов, им совершенно непонятных.

Однажды, после того как Супрамати долгое время просидел над одной древней рукописью и никак не мог вполне усвоить ее содержание, у него вырвалось нетерпеливое восклицание.

– Это, наконец, возмутительно! Сидишь, как дурак, над этой древней ветошью и никак не можешь добраться до скрытой в ней сути. А между тем, судя по каббалистическим знакам, которые я на ней вижу, это должно быть что-нибудь чрезвычайно интересное. Мне так хотелось бы работать, а Эбрамар не является и никого не шлет, чтобы руководить нашими занятиями.

– Почему не довольствуешься ты изучением того, что нам доступно? Благодаря Богу, в материале нет недостатка. А Эбрамар привез нас сюда, разумеется, не для того, чтобы обречь на бездействие; когда придет время, он явится сам или пришлет руководителя, – ответил Дахир.

– Пока будем наслаждаться счастливым настоящим, – улыбаясь, продолжал он. – Все у нас есть, невидимые руки удовлетворяют наши потребности, наши четвероногие друзья, привязавшиеся к нам до того, что являются с пожеланием доброго утра, без всякого ущерба заменяют старых парижских знакомых. Я нахожу очень интересным изучать разнообразие их характеров и способностей. Потом, не подметил ли ты, что со времени нашего прибытия сюда, в нас происходят странные явления? Я, по крайней мере, вижу, что из твоего тела выделяется какой-то черноватый пот.

– Ты прав, – перебил его Супрамати. – Я заметил подобное же испарение у тебя; а туники, которые мы каждое утро находим в купальне, также изменились. Вначале они были льняные, а теперь – смотри, – такой ткани я никогда не видал. Она как будто фосфоресцирует. Утром, когда я надеваю ее, она серебрится, а вечером, когда снимаю, она делается тусклой, измятой и покрывается черными крапинками. Точно так же прозрачно-голубоватая вода бассейна становится мутно-серою после того, как я в ней выкупался. Очевидно, наше тело еще пропитано нечистыми испарениями, и мы не можем начать свое новое посвящение, пока не очистимся.

– Значит, надо быть терпеливым и мирно жить в нашем раю, – со смехом закончил Дахир. Наконец к их великой радости появился Эбрамар.

– Я с удовольствием вижу, друзья мои, что вы нетерпеливо ожидали меня, а это служит добрым знаменем для наших занятий, – заметил маг с улыбкой. – Между тем я собираюсь возложить на вас нелегкую задачу: изучение бесконечного с утилитарной целью.

Нам со временем потребуются умение использовать силы природы, чтобы приходить на помощь человечеству и поддерживать его в страданиях, которые оно само себе подготавливает по своему бессмысленному ослеплению. А еще больше понадобятся нам все наши познания, когда мы высадимся на новой планете, где нам предстоит быть просветителями и наставниками.

Все, что мы теперь собираем, подобно пчелам, все плоды наших трудов мы должны будем предоставить на пользу нарождающегося человечества.

Установить там порядок, создать законы, научить людей разумному удовлетворению как материальных, так и духовных потребностей, внедрить в них основы процесса и понимания Божества. Задача громадная и трудная...

– Не вызывай передо мною это будущее, учитель. Оно представляется мне таким ужасным, что мной овладевает слабость, голова кружится и безумная тоска сжимает сердце! – вздрогнув, прошептал Супрамати.

Эбрамар возложил руку на его поникшую голову и лучистым взором поглядел на бледное лицо ученика.

– Я не стал бы вызывать картину грядущего, если бы не был уверен, что Дахир и ты уже в силах вынести сознание того, что вам предстоит. Приучайтесь сознательно смотреть на предназначенное вам будущее, оцените все его величие, и напрасный, малодушный страх исчезнет.

Впрочем, эта конечная цель нашего существования еще очень далека; а в настоящую минуту у нас более скромная задача, которая, надеюсь, совершенно поглотит вас.

Супрамати выпрямился; лицо его просветлело и в прекрасных, выразительных глазах зажглись вновь спокойная сила и решимость.

– Благодарю тебя, учитель, и прошу простить мою недостойную слабость. Чего мне опасаться в будущем при твоей поддержке и руководительстве? А Бог даст силы для выполнения предназначенной задачи.

– Вот таким я тебя люблю. Веруй, будь деятельным, покорным и ты будешь силен. А теперь я намечу вам программу ваших занятий до следующего моего прибытия.

Они сели, и Эбрамар отворил скрытый в стене шкаф, достал несколько связок пергамента и разложил на столе.

– Первые наши занятия будут посвящены изучению языка животных. Вот тут пояснительные заметки и ключи, которые дадут вам представление о разговоре существ, стоящих ниже вас. Это необходимо для мага, потому что иначе вы не могли бы составить себе полное понятие о всех фазах прохождения несокрушимой искры через три низшие царства, о корпорациях первичных духов, их работах, воспитании, подготовке к будущей их роли и также той, которую они играют в хозяйстве природы.

Во-вторых, вы будете развивать ваши чувства в том смысле, чтобы каждое из них имело, так сказать, себе равнозначное в царстве четвертого измерения. То есть ваши глаза должны с одинаковой легкостью видеть и материальный и сверхземной мир; уши ваши должны одинаково слышать как пение птиц в саду, так и движение сока в ветках растения или колебание воздуха при пролете духа. Помимо же указаний, которые я вам дам, вы найдете в этой рукописи все необходимые вам советы.

Наконец, здесь – он развернул старый папирус, покрытый странными буквами и каббалистическими знаками, – заключаются некоторые законы белой магии и формулы, которые дадут вам власть распоряжаться молекулами пространства: спланировать их воедино или рассеивать, смотря по надобности.

Три дня Эбрамар пробыл со своими учениками, указывая им основы и первые понятия трудной, предложенной им работы. Затем он уехал, наказав работать усердно, но не спеша, ввиду того, что недостатка времени опасаться нечего.

С обычной энергией Супрамати и Дахир принялись за работу. Нелегкое дело было разбирать запутанное письмо древних рукописей, учиться различать и применять многочисленные каббалистические знаки высшей магии; но прилежание и добрая воля помогали преодолевать трудности.

Эбрамар появлялся время от времени проверить их знания, подать советы и указания, ободрял их и радовался их успехам.

Быстрее всего подвигалось и в настоящую минуту более всего удовлетворяло их занятие изучением языка низших существ и усовершенствование собственных чувств.

Они могли уже разговаривать со своими четвероногими друзьями, понимали смысл пения птиц, жужжание насекомых, неуловимый шум, производимый муравьями.

Изумленные и очарованные, наблюдали они и изучали новый открывавшийся им мир, распознавая в нем уже твердо заложенные основы «будущего человека». Они были подавлены величием божественной премудрости, которая вела несокрушимую искру постепенным ходом совершенствования, начиная от бесчувственного сна в минерале к просонкам в растении и уже сознательной жизни в животности.

И чем более они научались понимать низшие души, тем более открывали в них странные бездны, расовую ненависть, корни которой, по-видимому, терялись в растительном, а не то даже минеральном царстве. Перед ними намечались антагонизм и борьба, в которых два великих двигателя «добро» и «зло», казалось, уже сталкивались между собою и мерялись силами.

В одно из своих посещений, после тщательного просмотра их трудов, Эбрамар объявил, что настало время включить в их занятия основательное изучение жизненного эликсира.

– Следуйте за мною, я поведу вас в лабораторию.

Крайне заинтересованные, молодые люди пошли за магом в боковую галерею, пробитую в скале и поддерживаемую колонками. Там, в нише, находился барельеф с изображением человеческой головы с закрытыми глазами. Оба они восторгались не раз художественной скульптурой, не подозревая в ней специального назначения, и с изумлением увидели теперь, что Эбрамар наложил руки на глаза барельефа.

Тотчас каменные веки приподнялись и из-под них глянули на минуту два изумрудных глаза. Затем задняя стена ниши повернулась на невидимых петлях и обнаружила ступени.

Все трое поднялись по лестнице, потом снова спустились, прошли небольшой сводчатый коридор, и в конце его Эбрамар приподнял тяжелую темную завесу, пропуская их в маленький грот, с одной стороны которого был небольшой дворик, замкнутый со всех сторон скалами и стенами. В глубине грота была железная дверь резной, драгоценной работы, которую Эбрамар отпер золотым ключом.

Тогда они очутились в другой пещере, большой и высокой, как собор. Стены были покрыты зелеными сталактитами, и царившее там освещение было так сильно, что позволяло легко читать самое мелкое письмо.

В углублении из расщелины в стене вытекала тонкая золотистая и сверкающая струйка, падала в хрустальный бассейн рубинового цвета и затем терялась в другой расщелине на поверхности земли.

Посередине пещеры стояли два больших хрустальных стола и два таких же стула; вдоль стены виднелось несколько столов и полок, уставленных инструментами странной формы и неведомого назначения. Между прочим, были лупы различной величины, нечто вроде волшебного фонаря, большой белый экран и несколько астрономических инструментов, уже знакомых обоим ученикам.

– Здесь вы должны, друзья мои, проводить ежедневно несколько часов, – сказал Эбрамар, – чтобы специально изучить изначальную материю, то вещество, божественное и ужасное, которое с одинаковой силой переустраивает, дает жизнь, но и разрушает.

Прежде всего вы должны познать его в грубом виде, а затем научиться разлагать, чтобы извлекать первичные частицы, так сказать, зачатки минералов, растений и животных. Сначала надо отделить элементы один от другого, потом каждую породу отдельно, уметь различать и применять их, соединять и разъединять. Это очень продолжительная и тяжелая работа, не скрою, но она окажет вам услугу впоследствии.

– Ты сказал, учитель, что изначальное вещество одинаково и дает жизнь, и разрушает. Я всегда предполагал, что по своей природе его назначение единственно давать жизнь и поддерживать ее? – спросил Супрамати.

– Без сомнения. Будучи разлито по всему организму планеты и во всем обитающем на ней, первобытное вещество всюду поддерживает жизнь; но оно разрушило бы всякий организм,

который пришел бы в прямое и безмерное соприкосновение с могуществом этой грозной стихии, то есть такой организм разлетелся бы на свои первоначальные атомы.

Кроме того, жизненный эликсир, выполняя свое назначение, может разрушать и убивать иным способом. Припомните случай с несчастной Лоренцой, относительно которой Нарайяна возымел преступное намерение воскресить ее чуть не через три столетия после ее естественной смерти. Ты помнишь, Супраматри, с какой сказочной быстротой был оживлен и восстановлен организм, и привлечен живший в нем прежде дух. Но, чтобы достигнуть такого результата, было убито тело, обитаемое в ту минуту душой Лоренцы, и целая семья повергнута была в отчаяние, оплакивая эту необъяснимую смерть.

Жизненный эликсир представляет собой обоюдоострое оружие и если маг в интересах науки имеет право делать самые разнообразные опыты, то все же должен серьезно остерегаться злоупотреблять наукой и не увлекаться жестокими опытами.

– Супраматри передавал мне этот случай, и мне известен способ, употребленный Нарайяной. Но тем не менее, несмотря на горячее желание и любопытство взглянуть на подобное воскрешение, я все-таки воздержался бы попробовать его, – сказал Дахир.

– Твое любопытство очень естественно, а твоя осторожность делает тебе честь, – ответил Эбрамар. – А вот пойдемте со мною во двор и я покажу вам опыт в том же роде.

Во дворе маг отворил шкаф, вделанный в стене, и достал оттуда улей, очевидно, очень старый. Отверстия его были закупорены, и когда Эбрамар открыл их, то внутри оказались высохшие тела пчел, погибшие там за неимением выхода.

Эбрамар велел принести из лаборатории, с указанного стола, пульверизатор и фарфоровый горшок с каким-то сероватым студенистым веществом. Маг достал из-за пояса флакон с жизненным эликсиром и влил несколько капель в сосуд. Студенистое вещество стало мгновенно жидким, приняло розовый оттенок и дало фосфорический свет. Тогда Эбрамар налил часть жидкости в пульверизатор и прыснул во внутренность улья.

Посыпались с треском огненные брызги, и в тот же миг поднялись облака дыма, рассеваемые огненными зигзагами, словно молниями.

С неослабным вниманием следили Дахир и Супраматри за удивительной картиной превращения. Через несколько минут послышалось глухое гуденье, дым рассеялся, и ожившие, полные сил пчелы стали вылезать из улья; одни полетели на работу, а другие летали и ползали по своему опустошенному жилищу, стараясь, вероятно, восстановить в нем порядок.

– Теперь я покажу вам подобное же воскрешение в мире растительном, – продолжал Эбрамар. – Видите там, в углу, старое иссохшее дерево; мертвые корни его похожи на лапы гигантского паука. Надо вытащить его на середину двора.

На этот раз Эбрамар вылил несколько капель таинственной жидкости прямо на ствол, где начинались корни.

Тотчас клубами повалил густой черный дым, с треском и свистом, совершенно закрыв собою мертвое дерево.

Спустя несколько минут дым из черного стал серым, потом принял зеленоватый отлив. Странный свист продолжался, поднялся ветер, затем раздался сильный треск, и когда дым рассеялся, глазам удивленных учеников представилось гигантское дерево.

Густая, пышная листва его отбрасывала тень по двору; могучие корни взрыли плиты, устилавшие двор, и глубоко врезались в землю.

– Что за чудодейственная и вместе с тем страшная сила! Такие чудеса вызывают изумление и в то же время навевают ужас! – проговорил Супраматри.

Дахир закрыл лицо руками, точно ослепленный.

– Да, и действия этого таинственного вещества столь же многочисленны, как и чудны. Оно влияет не только на организмы, но даже на отпечатки, оставленные в атмосфере человеком или каким-либо событием. Вернемся в пещеру, и я покажу вам подобную картину.

Они вернулись в лабораторию. Смешивая каплю жизненного эликсира с несколькими другими веществами, маг рассказывал:

– Много веков тому назад один из наших привел в эту пещеру группу индусских паломников. Они далеко не совсем понимали тайну, беречь которую поклялись, не подозревая даже, что на расстоянии вытянутой руки находился жизненный эликсир. Они ушли отсюда и умерли затем, подобно всем обыкновенным смертным, но до конца своей очень долгой жизни были избавлены от болезней. А отпечатки их пребывания здесь остались, и я покажу их вам.

Он зажег в жаровне угли, бросил в них черноватое со смолистым запахом вещество, а сверху налил немного приготовленной смеси. Снова поднялся дым, и когда он рассеялся, открылось удивительное зрелище.

Человек десять в холщовом одеянии толпились около бассейна источника, кто на коленях, а кто стоя, с поднятыми в немом восторге к небу руками. Глаза всех были устремлены на чудесный источник.

Группа казалась живой, только вся была покрыта странным желтоватым оттенком, напоминавшим терракоту.

Через несколько минут все побледнело и растаяло в воздухе.

– Вы видите, что идя по тому же пути, но особым, приуроченным к каждому отдельному случаю способом, можно первобытным веществом оживить прах угасшей планеты и вернуть к жизни исчезнувшие народы, – продолжал Эбрамар.

Неподалеку отсюда лежит мертвый город, погребенный во время одной катастрофы, над которым давно уже вырос девственный лес. Но все-таки известными мне подземными путями можно пробраться туда, и, может быть, когда-нибудь я покажу вам его. При желании я мог бы вернуть к жизни население этого несчастного города. Это было бы грандиозно, но к чему ставить такой жестокий опыт.

Любопытно, что воспоминание о жизненном эликсире и его необычайной силе сохранилось даже среди непосвященных. То в образе источника вечной молодости в волшебных сказках, то в чаше св. Грааля, наполненной будто бы кровью Христа, везде воспевали и искали неведомое начало, которое должно устранять смерть и обращать самый грубый металл в золото.

Один ученый европеец, кажется, Парацельс, тоже старался найти первобытную эссенцию, чтобы с помощью хотя бы ее капли создать человека без помощи людской, а просто собирая молекулы усилиями своего разума. Он воображал, что может упорным трудом заменить великую творческую силу, которая невидимо и неуловимо создает совершеннейшее из всех творений – человеческое существо. Разве ребенок, как и маленькое животное, не является наихудожественнейшим произведением лаборатории природы, в развитии которого человек не отдает себе даже полного отчета? Но Парацельс не имел ключа от этой тайны, и мечты его остались утопией.

На другой день, под вечер, все трое беседовали на террасе. Небо уже стало заволакиваться ночными тенями.

– Когда появятся звезды, – сказал Эбрамар, – я пошлю вас выкупаться, влив в воду содержимое этого флакона, а затем мы совершим маленькое воздушное путешествие.

Я хочу показать вам некоторые из слоев, окружающих землю, а попутно корпорации низших духов и их воспитание, словом, подготовку будущего человечества.

Обрадованные Супрамати и Дахир не знали, как благодарить Эбрамара, и между ними завязался оживленный разговор по поводу столь интересного и мало кому знакомого вопроса о бытии и всех фазах развития, которые претерпевает несокрушимая психическая искра на пути ее восхождения.

Давно хотел я спросить тебя, учитель, как первообразные духи переходят из состояния минерала в растительное? Каким, так сказать, образом оканчивается их жизнь в неорганиче-

ской среде и совершается переход в другое царство природы, тогда как существование каменных пород представляется бесконечным? – спрашивал Супрамати.

– Все совершается просто, по общему закону, – отвечал Эбрамар.

Вы знаете, что центром всякой клеточки или собрания пассивных атомов является одна из тех несознательных индивидуальностей, вся роль которых заключается пока только в представительстве жизненного тока, то есть отталкивании или притяжении различных флюидов, вредных или необходимых для поддержания и питания этого мирка. Такое бессознательное существование, хотя и кажется бесконечным с точки зрения человека, тем не менее, чрезвычайно хрупко, и очень немного надо, чтобы оторвать индивидуальность от центра, если только первые связи с материей нарушены духами, облеченными на то правом. Так сильные атмосферные сотрясения, колебания почвы и т. д. часто бывают сигналом громадного перемещения среди этих невидимых жителей. Миллиарды их, уже готовые в путь, выделяются из материи и уносятся сильными, образующимися тогда вихрями; тогда как другие, стоящие еще на первой ступени существования, занимают их место. Ибо в природе нет застоя, и все возобновляется в определенное время, хотя и невидимо для человека, но на основании непреложных законов.

Здесь действует тот же закон, что и в вашей крови, которая также совершенно обновляется в известное время, а вы не замечаете этого, и ваша внешность от того не изменяется. Кроме того, прохождение несокрушимой психической искры через минеральное царство играет первенствующую роль и определяет основы дальнейших существований.

Будучи связанными с клеточками, которые своими бесчисленными массами составляли какой-нибудь слой земли, скалу, и т. д., эти миллиарды первообразных душ были охвачены одновременно флюидическими токами, пущенными в них рабочими духами. Все проникались одинаковыми впечатлениями, насыщались одинакового состава флюидами, выделяли те же истечения, и, таким образом, вся масса с течением времени получила единообразие частиц, которое составляет сущность их организма, и, развиваясь, действует на их будущие организмы.

С этой первой ступени жизни идет расовое различие, которое с первой же минуты дает каждому определенный, своеобразный химический состав, отличный от других организмов.

Единообразие это остается как основа на будущее, продолжается в семействах растений, в животных породах, и, наконец, среди рода человеческого, начиная от расовых отличий по цвету кожи, форме черепа и т. д. вплоть до распределения народов одной расы, как, например, славяне, германцы, романцы. Не пустая вовсе болтовня, будто каждый народ имеет различный аромат. Это верно. Потому что в основе у каждого – особый химический состав. Образуется нового рода влечение, которое объединяет особенно мало развитых духов при их воплощениях; но и совершенные духи предпочитают воплощаться среди народа, химическая основа которого соответствует их астралу.

– О! Какую отвратительную иллюстрацию этой теории представляют негры, китайцы и евреи. Их тошнотворный запах выдает их весьма скверный химический состав! – воскликнул, смеясь, Дахир.

– Знакомство с запахами дает возможность добраться до первобытного источника происхождения народов и отдельных личностей, потому что он сохраняется в растениях и животных. Вам, любезные мои ученики, еще предстоит впереди эта высшая наука о запахах. Однако нам уже пора выкупаться и подобающим образом переодеться для нашего путешествия, – закончил добродушно Эбрамар.

Супрамати и Дахир тотчас встали и отправились исполнять приказание.

В ванной комнате они нашли два одеяния в виде трико, из очень оригинальной сероватой материи, шелковистой, чрезвычайно тонкой и слегка фосфоресцировавшей. Одеяние это так плотно прилегало к телу, что словно сливалось с кожей и закрывало все тело с головой.

Придя к Эбрамару, они увидели его в таком же одеянии, но более светлом и блестящем.

Перед ним стояли два кубка с красной дымящейся жидкостью, которую он предложил ученикам выпить. Выпив, Супрамати почувствовал головокружение; но как только это неприятное состояние прошло, он заметил, что тело его как будто совершенно утратило вес и он без малейшего усилия взлетел на воздух за Эбрамаром, который быстро поднимался ввысь. Кроме того, он заметил, что тело его покорно следовало в том направлении, какое он ему желал дать.

Пространство, по которому они пролетали, озарено было теперь сероватым полусветом; воздух был напоен зловонными, гнилостными испарениями, и слышался беспорядочный шум; по временам в разных местах вспыхивал и мгновенно гас кроваво-красный свет. Разноцветные все оттенки радуги огни порхали и вихрем кружились во всех направлениях, то поднимаясь, то опускаясь.

Всматриваясь внимательнее, вокруг этих огней можно было заметить отражения людей и животных. Местами плыли в воздухе, отдельно или группами, отражения растений.

Посреди этого хаоса проворно и легко, словно клубы пара, скользили светлые тени с ясно очерченными головами, большими фосфоресцировавшими глазами и отличительными знаками, соответствовавшими положению их в духовной иерархии: кто носил изображение огня, кто креста, звезды или цветов; то были духи-наставники, покровители, главы групп и т. д.

Местами, но далеко друг от друга, виднелись очаги ослепительного света, из которых снопами исходили лучи и терялись в направлении земли. И там, посредине этих очагов света, заметны были призрачные человеческие образы.

– Видите вы эти подобия солнца, рассыпанные в пространстве? Это хранилища сил добра, – пояснил Эбрамар.

– Существа, которых вы там видите, это – высшие духи, покровители какой-нибудь страны. Силой своих молитв и воли они собирают и направляют к намеченной цели обновляющий материал, который поддерживает и укрепляет бедное человечество, тонущее в пороках и страданиях. Люди называют их святыми и инстинктивно просят их помощи. Завтра я поведу вас в какую-нибудь церковь и покажу имеющиеся там флюидические токи, а также и печать светлого флюида на людях, священных предметах и т. д.

Разговаривая таким образом, они продолжали подниматься.

Мало-помалу стихал беспорядочный хаос раздирающих душу вибраций, вызываемых страданиями тела. Кровавый пар, тлетворные испарения порока – все это постепенно бледнело и оставалось под ними.

Пространство вокруг них становилось голубоватым, прозрачным и было напоено острым, но живительным ароматом.

Вдруг раздался странный шум, как бы от множества крыльев или колес машин.

– Мы приближаемся к очень интересному месту, школам низших духов, – заметил, улыбаясь, Эбрамар.

Живо заинтересованные, оба ученика следовали за учителем, быстрым полетом направлявшимся к светлому и казавшемуся бесконечным пространству.

С удивлением заметил Супрамати кое-где сероватые, окруженные красноватой аурой фигуры, с ясно очерченными головами, отражавшими ум и энергию. Вокруг каждой из этих личностей кишели тучами фосфорические искры, которыми те распоряжались, уча их подражать флюидическим моделям, огненными чертами вырисовывавшимся в воздухе, или разъясняя понемногу ход предстоявшей работы.

– Вы видите здесь подготавливающееся рабочее население земли: пчел, муравьев, пауков, шелковичных червей; а там, дальше, корпорации высших животных. Все занимаются под наблюдением их руководителей, учатся применению ремесел и проникаются знаниями, необходимыми при их воплощении.

Теперь трое адептов двигались медленно, с трудом различая иногда микроскопических работников.

Однако Супраматри все же заметил среди учителей черноватые образы с демоническими глазами; также не ускользнуло от его внимания, что между учениками было несогласие. Тучи роившихся искорок набрасывались одна на другую, испуская черные клубы; а среди духов высших животных возникали настоящие драки и враждебные, полные ненависти токи, которыми они обдавали друг друга, бороздили даже кроваво-огненные зигзаги.

Супраматри хотел было спросить объяснение этому странному зрелищу, как Эбрамар дал знак к возвращению.

Спуск совершился с головокружительной быстротой. Очутившись на террасе своего жилища, молодые люди только что собирались задать интересовавшие их вопросы, как Эбрамар пресек их любопытство.

– Идите сейчас же выкупайтесь и ложитесь спать, потому что даже ваши бессмертные тела нуждаются в отдыхе после такого путешествия. Завтра поговорим, так как я еще не покидаю вас.

Глава третья

На следующий день, по окончании работы, все втроем расположились на террасе и Эбрамар сказал:

– Теперь, дети мои, предлагайте мне вопросы, которые хотели задать вчера. – Ах! В этом новом мире, который мы увидели, так много интересного, что не знаешь, с чего начать, – ответил Супрамати. – Но как я благодарен тебе, Эбрамар, за то, что ты показал мне астральные школы. Я никогда не мог объяснить словом «инстинкт» способности животных к работам, положительно артистическим или так практически полезным и целесообразным, что и сам человек не отказался бы от них.

– Несомненно. Какой же другой фактор, кроме *разума*, мог бы сделать все, что делает животное, – ответил Эбрамар.

– Это слово «инстинкт» человек выдумал по высокомерию, чтобы охранить собственное величие. Если бы люди, забыв свое глупое тщеславие, пожелали открыть глаза и увидеть очевидность, одни лишь работы животных послужили бы им доказательством их собственного происхождения с самых низов лестницы существ.

Среди животных человек нашел бы все то, что он горделиво считает признаком своего божественного происхождения. *Если бы он пожелал увидеть*, то осознал бы, что является лишь более усовершенствованным плагиатом. Среди этих меньших, презираемых братьев, есть хлебопашцы, химики, архитекторы, ткачи, рыболовы, пловцы, могильщики, математики, певцы, музыканты, воины и т. д.; все искусства и ремесла имеют своих представителей.

Также и относительно общественных организаций и форм правления: вы найдете у них монархии, республики, рабочие ассоциации, царей и цариц, гаремы и гинекеи. В меньшей степени у них заметны те же фазы развития, через которые проходят народы: касты, войны или военные экспедиции для захвата невольников. Словом, наше общество полностью отражается в мире животном.

– Ты забываешь ссоры, соперничество, вражду, – перебил его Супрамати. – Я видел вчера целые битвы среди этих микроскопических школьников, и задача их учителей должна быть не из легких.

– О, разумеется, их миссия одна из труднейших. Чем ниже порода, тем легче влиять на нее и внушать послушание; но по мере развития существа в нем расцветают непокорность, леность и ропот.

Эти крошечные существа – ленивые, капризные и эгоистичные – считают своего учителя угнетателем, понуждающим их к работе, которая им не нравится. Но самым трудным для дисциплинирования и руководства элементов являются духи животных, которые при воплощении побывали в непосредственном соприкосновении с человеком и испытали на себе всю его жестокость. В загробный мир они вступают полные ненависти и жажды мести.

Велики преступления человека перед низшими и беззащитными существами, над которыми, он самовольно присвоил себе право распоряжаться жизнью и смертью; он убивает их, истребляет и мучает с беспримерной жестокостью.

Слепой и безжалостный, в надменности своей человек не осознает, что создает себе лютых врагов. Дух животного начинает смотреть на духа человека, как на своего самого жестокого врага, и по мере своих сил отплачивает ему злом за выстраданные мучения. Недаром говорят: «Животное чувствует, кто его любит»; но вообще оно избегает человека. Только уже очищенные и высокие души стараются снискать расположение низших существ, с любовью руководят ими, воздерживаются от дурного с ними обращения и создают себе друзей в их среде. Те, кто грубо обращаются с животными и мучают их, создают этим непокорное, враждующее, желчное население. По непреложному закону прогресса, эти миллиарды духов обле-

каются временно плотью; но когда они возвращаются в потусторонний мир, все их дурные страсти вспыхивают, и, повторяю вам, очень трудно руководить этими массами.

– Я понимаю ненависть животного к человеку; но по поводу чего дерутся они между собой в пространстве, как мы то видели вчера? – спросил Дахир.

– Много личных и общих причин заставляют их нападать друг на друга, – с улыбкой ответил Эбрамар.

– У этих низших народов существует расовая ненависть, точно так же, как у их братьев – людей. Кроме того, здесь действует еще один великий принцип. Две враждебные силы – *добро и зло*, – царящие во вселенной и оспаривающие ее друг у друга, дают себя знать с самого начала человечества. Потусторонний мир разбит на два лагеря: небесное светлое воинство и армия ада, которая рассчитывает взять приступом стены неба, скрывающие высочайшую тайну.

– Каждая из двух враждующих сторон старается нанять себе союзников и создать орудия борьбы; по этой причине вы видите во всей одушевленной природе деятельных агентов *добра и зла*.

Уже среди минералов есть такие, которые содержат в себе смертельные яды; с другими как будто бы неразлучно связано несчастье. В растительном мире есть много адских растений, особо приспособленных к сатанинским действиям и мрачным обрядам черной магии. Такие растения всегда зловредны добродетельному человеку, полезному животному, питательному растению.

Между животными разделение на два лагеря сказывается еще заметнее. Существует великое множество вредных пород животных, о которых не без основания спрашиваешь себя, к чему они существуют? Хотя существа эти и низшие, но они одарены уже утонченной злобностью. Уничтожение – цель их жизни; вредить людям и животным противоположного лагеря – их главное занятие.

Из этих адских пород укажу, между прочим, на смертоносные растения, которые, обвиваясь вокруг дерева, душат его, или на нечистых насекомых, как клопы, блохи, вши, черви-точилы, крысы, гиены и вообще животные, питающиеся падалью. Все они прячутся в щелях, расселинах, норах, ползают во тьме, избегая света и, если всмотреться внимательнее, то видно, что все высшей породы и полезные человеку животные избегают, боятся и ненавидят этих исчадий ада.

– Так значит, черноватые духи с демоническим взором – наставники зла? – спросил Дахир.

Именно. Сатанинский стан работает по мере сил над расширением своего поля действия и, подобно тому, как пионеры света внедряют в своих учеников добро, красоту и пользу, так деятели зла учат своих изощряться в искусстве наносить вред, разрушать, причинять страдания.

Я уже говорил, что своей неслыханной жестокостью к животным люди гонят в невидимый мир миллионы существ, снедаемых ненавистью, желчью, жадной мести, которые легко становятся добычей злых духов. Позабыв уроки наставников света, существа эти втираются в мирную среду своих братьев, развращают их, внушают бунт и еще более затрудняют работу наставников. С течением времени эти низшие духи перерождаются в легионы демонов, в упорных противников всего чистого, полезного и светлого.

Человек – слеп и не понимает всего совершающегося вокруг него в том пространстве, которое кажется ему пустым и прозрачным; он и не подозревает, какой ад кипит и трещит около него.

С пошлой беспечностью невежества он глумливо смеется, когда прочтет в книге магии, что, тот или другой демон повелевает столькими-то легионами демонов; для «посвященного» это значит, что такой или иной злой дух властвует над легионами низших духов, духов живот-

ных, и направляет их действие сообразно своему желанию или под влиянием мстительного чувства.

Никто еще пока не объяснил научно причины внезапного появления миллионов мышей, неизвестно откуда взявшихся и уничтожающих поля, или туч саранчи, пожирающей посевы. Какое неведомое дуновение направляет их и множество иных врагов, уничтожающих и сводящих на нет человеческий труд?

Человек кичится обрывками своего знания, хотя все-таки несомненно идет по пути прогресса и усидчивым трудом открывает не одну полезную истину. Тем не менее, ученый, действительно достойный этого имени, сознает, что он еще только невежда, а под скальпелем и в цифрах ищет «бесконечное», тогда как мнимые ученые с презрением заявляют, что в мире невидимом ничего нет. Между тем они ведь наблюдают лишь производные этого мира причин.

Кто, например, знает истинное происхождение повальных и неизлечимых болезней, эпидемий самоубийств, сумасшествия, убийств, которые, подобно урагану, охватывают внезапно человечество? Откуда берутся миллиарды микроорганизмов, которые заражают воздух, порождают неизвестные болезни, присасываются к человеческому организму и убивают его, пожирая ткани, или, наконец, ослепляют человека и заражают его душу?

И почему так часто бывает, что неизлечимые болезни эти, не поддающиеся врачебной науке, излечиваются чудесами, молитвой, святой водой? Разве не доказано неопровержимыми фактами, что эпидемии, засуха и другие катастрофы прекращались после религиозных процессий?

Именно в эпоху вырождения, когда падает вера, разлагается семья, а разврат и порок овладевают обществом, тогда-то с наибольшей силой и свирепствуют страшные эпидемии. Преграда, созданная вмешательством чистых и светлых флюидов, рушится, а всякого рода излишества и беспутства порождают смертоносные микробы повальных болезней, физических и духовных, проистекающих из преступных деяний.

И эти микроорганизмы тучами носятся в пространстве, отыскивая благоприятную среду для своего развития; потому что заразы не бывает там, где порок не находит для себя подходящего материала.

Порочный человек, как дымящаяся куча навоза, притягивает к себе вредоносные бактерии, которые проникают сначала в его *ауру*, затем просачиваются в поры организма и обрушиваются на ту именно часть тела, которая является орудием господствующей страсти человека. Если человек жаден и прожорлив, развратен и чувственен, то и зараза поражает соответствующие органы. Если извращенный мозг развивает одни лишь преступные мысли, нечистые вожделения, циничные образы, то и разрушительная стая прицепляется к этому главному слуге разума, овладевает им, поработывает его, вырабатывает смертоносные флюиды зла, пока, наконец, жертва не валится в пропасть безумия, самоубийства или убийства. А когда телесное орудие разбито подобно сосуду, лопающемуся от слишком сильного давления пара, тогда стая невидимых врагов набрасывается на разлагающийся труп, пожирает его и в свою очередь умирает, чтобы возродиться в ином мире и двинуться дальше в иерархии зла.

Ах, друзья мои! Если бы мы могли втолковать людям, как важно следить за своими мыслями, создавать при их помощи только добрые, прекрасные и чистые образы, чтобы из рассадника мышления исходили лишь потоки света, воздвигающие вокруг человека как бы священную ограду, которую не в состоянии преодолеть эти ужасные уклонки пространства! Если бы они послушались нашего крика: храните чистоту сердца, и вы будете неуязвимы!

Христос обладал тем огнем и светом, которые исцеляли прокаженных, возвращали зрение слепым и изгоняли бесов. Ему-то была введима тайна человеческих бедствий. Он знал, что молитвой можно ослабить и даже прекратить эти эпидемии.

Чем больше население планеты наводняется исчадиями ада, тем скорее ее постигает разрушение и наступает частичный или полный катаклизм. Равновесие нарушено, а излишества зла,

становясь преобладающим элементом, отягчают атмосферу, мешают правильному обмену кислорода и азота, вызывают атмосферные беспорядки. Непомерная эксплуатация, скажу прямо, грабеж всех земных богатств истощают землю; климат изменяется, холод, засуха или избыток влаги уничтожают плодородие почвы и вызывают голод. Питательные соки иссякают, прекращается правильный обмен необходимых веществ среди различных царств природы. Растительность становится жалкой и слабой; население дает людей хилых, нервных, болезненных, стареющих преждевременно, предрасположенных к порокам и болезням, которые человечество само породило.

В конце концов, планета умирает, и ад торжествует победу, радуясь, что уничтожен чудный цветок божественного творчества.

Поэтому, когда новая планета вступает в жизнь, законодатели, избранные духи, знающие основные законы творения, устанавливают строгие правила, ограждающие добродетель, учреждают культ Божества и священным ореолом окружают земледелие и вообще все, что растет и нарождается на земле, дабы оградить его по мере возможности от влияния ада.

В человеке врождена потребность молиться, обожать Верховное Существо, неведомые и таинственные силы, управляющие его судьбою, для поклонения которым он посвящает особое место. Создание бессознательно чувствует, что молитва служит ему связью с Творцом, спасительной цепью, которая соединяет его с небом, ограждает от множества опасностей и привлекает к нему на помощь невидимых покровителей.

Тот же непреложный инстинкт внушал первоначально людям освящать поля, плоды, скот, жилища, дабы привлечь на них благотворные токи, светлые и чистые флюиды, отгоняющие бесов.

Какое величайшее заблуждение воображать, будто человек делает угодное Богу и его служителям, созидавая в их честь храмы и молясь им! Ни верховное, неизреченное Существо, ни исполнители воли Его в этом не нуждаются.

Человек воздвигает храм исключительно для себя, чтобы иметь особое место, священную ограду, твердыню против вторжения духов зла.

Он ставит там престол, чтобы в одном месте сосредоточить божественный ток, привлеченный молитвой; священные песнопения, наполняющие церковь, порождают вибрации, которые поддерживают приток святого огня и собирают лучезарное, не загрязненное бесами вещество, откуда человек черпает силы душевные и телесные. Курения, всюду, во все времена и во всех культурах сопровождавшие божественную службу, распространяют ароматы, которые отгоняют и рассеивают нечистые выделения, приносимые с собою людьми в храм.

В древности все эти вопросы, тщательно изученные, применялись с полным знанием дела. Моисей, например, подробно перечисляет материалы, необходимые при построении святого места и для предметов богослужения: золото, серебро, слоновая кость, кедровое и сандаловое дерево; ладан для курений, оливковое масло, воск, вырабатываемый пчелами как чистыми насекомыми, сопровождающими работу пением молитв на своем языке.

Священнослужители, подчиненные относительно чистоты драконовским законам, должны были носить льняные одежды; а алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и другие драгоценные камни, украшавшие нагрудник первосвященника, – все имели магическое, мистическое и символическое значение. Жемчуг, между прочим, на который большой спрос в обществе и который ценится высоко, не входил в число этих драгоценностей, несмотря на свою красоту; он считался нечистым, не приносящим счастья.

Со всех точек зрения, человек сам нуждается в Боге, великих покровителях планеты и в тех, кого вы называете святыми; это необходимый атрибут всех истинных религий, как наследие великих посвященных и посланников Божиих. Все такие верования признавали невидимых покровителей, и новорожденного ребенка посвящали или божеству, или святому. Верование это, в настоящее время поруганное и считаемое предрассудком, имеет, как видите, свои

глубокие и справедливые основания; источник его теряется во мраке глубочайшей древности и составляет одну из великих тайн культа. Имя связывает человека с высшим духом или целой группой духов, которыми тот руководит и которым покровительствует; народ называет его ангелом-хранителем, ангелом имени человека.

Так же и изображения святых, статуи, мощи, даже идолы являются (для прозорливого) очагами света; ибо *всякая молитва, всякая* благочестивая мысль, *всякий* горячий призыв дает луч светозарной материи, которая пристаёт к этому символическому изображению, проникает насквозь и в некотором роде оживляет его. Места, посвященные культу, – церкви и храмы, – как постоянно наполненные изображениями божества, благотворными ароматами, гармоническими вибрациями, освещенные неугасаемыми лампадами, в буквальном смысле являются убежищем для человека. Там, перед каждым из очагов лучезарного света, в единении с неведомыми, могучими силами, находится хранилище нравственной и физической помощи, готовой к услугам каждого, способного принять ее.

И чем больше в церкви таких очагов света, тем они могущественнее, выделяемый ими свет чище, молитва человека действительнее, тем скорее она облегчает и очищает его. Отсюда из этого основания проистекает уверенность в помощи чудодейственных икон и статуй, как, например, Лурдекой Богородицы, святое место, колодезь и источник которой обладают неизвестными и неуловимыми целебными свойствами, излечивают болезни, признаваемые «научкой» неизлечимыми, и восстанавливают жизненные вещества в организме.

Эбрамар оживился во время разговора.

Горячая, восторженная вера звучала в голосе мага, а в ночной тьме его белоснежная одежда казалась осыпанной бриллиантовой росой. Вокруг его красивой головы образовался широкий светлый диск, три ослепительно ярких луча исходили из его чела в виде звезды, и все его тело как бы источало фосфорический свет.

Он весь был точно из огня и света; даже сам голос его звучал удивительно сладко и воодушевлено, а в лучистых глазах отражались словно чудеса иного мира, созерцать которые ему было дано.

Дрожь благоговейного страха охватила Дахира и Супрамати. Почти бессознательно опустились они на колени и преклонились перед дивным, руководившим ими наставником, который постепенно открывал им чудные, божественные тайны творения.

Эбрамар вздрогнул и выпрямился.

– Что вы делаете, друзья? Какое незаслуженное поклонение оказываете вы мне, – строго сказал он, поспешно поднимая их.

– Как я еще ничтожен в сравнении с великими светочами небесного пространства! Но чтобы иллюстрировать рассказанное мною, я покажу вам некоторые места, посвященные молитве. Сначала мы побываем здесь, в Индии, в древней пагоде; а потом отправимся в далекую северную страну. Там вера сохранилась еще сильнее, чем где-либо, но зато рассвирепело воинство бесовское и ринулось на приступ, удушая совесть и щедрой рукой сея зло, преступления и разврат.

– Мы отправимся путешествовать, учитель? – удивился Супрамати.

– Астрально, сын мой. Что за жалкие маги были бы мы, если для перемещения нам потребовалось бы много времени и экипаж, – возразил, улыбаясь, Эбрамар.

– А теперь, дети мои, вернемся к нашему путешествию. Примите ванну, наденьте одежду, что была на вас в прошедшую ночь, и возвращайтесь ко мне.

Когда молодые люди вернулись, он приказал им сесть, сделал над ними пассы, потом прикоснулся к их глазам и дунул на них со словами:

– Отверзаю ваши телесные очи на красоты небесные. Теперь в дорогу!

Легко, словно хлопья снега, поднялись они в пространство и скоро опустились перед входом в древнюю пагоду.

Была еще ночь. Справлялся какой-то праздник, и множество богомольцев входило в храм, над которым парил широкий диск золотистого света.

– Не бойся, в настоящую минуту мы невидимы для глаз простых смертных, – сказал Эбрамар, отвечая на мысль Супрамати.

Смешавшись с толпой, они вошли под своды храма.

В самой глубине, где стояла статуя Браммы, пылал костер, ослепительно светлый и распространявший жар. С треском вылетали оттуда разноцветные огни и по временам озаряли чуть заметный облик человека.

Порывы чудного и опьяняющего аромата вырывались из середины костра и обведали тех, кто с полной верой подходил и преклонял колена. И по мере того как молитва, в виде луча, более или менее светлого, возносилась из сердца верующего, тело его покрывал дождь искр; точно серебристый, ароматный дым окутывал его, вызывая обильный пот, а черные, окружавшие его тени, бледнели, дыхание становилось свободнее, и весь его облик очищался и хорошел.

Многие, особенно горячо молившиеся, подолгу оставались на коленях, упиваясь проникавшим в них небесным током, который их успокаивал и ободрял, восстанавливая душевные и телесные силы.

– Идемте. Теперь мы посетим другой очаг света, – сказал Эбрамар, делая ученикам знак следовать за ним.

Они снова поднялись в пространство и, будто подхваченные вихрем, полетели с быстротой мысли.

Вскоре им представилась гористая местность. Станный фосфорический полусвет, точно лазурный купол, разлился над долиной.

– Мы в Лурде, где творится столько чудес, – сказал Эбрамар. Спустившись на землю, они присоединились к процессии, которая с пением молитв направлялась к чудотворному гроту.

Дойдя до источника, толпа опустилась на колени и горячие молитвы их сердец светлыми волнами поднялись к небу.

Картина была волшебная. Золотистые и серебристые лучи шли во всех направлениях; от источника исходил фосфорический пар, и статую Девы окружали, казалось, снопы пламени, распространявшие жар. В воздухе звучала странная гармония, то нежная и тихая, то могучая, как ураган, всегда без единой несогласной нотки.

Вдруг из пространства стали падать огненные капли, потом с треском развернулась широкая, пламенная и золотистая лента, упавшая на лежавшую на носилках женщину, очевидно, парализованную. Огненные зигзаги забегали по всему телу больной, потом оно как будто вспыхнуло, из организма поднялись клубы черного дыма, рассыпаясь в воздухе точно зерна бисера, и женщина с криком выпрямилась.

Минуту спустя она уже стояла на ногах, сияющая от счастья; затем упала на колени, восторженно крикнув:

– Я исцелилась!

– Вы видели только что оккультную сторону этого исцеления: сошествие святого огня, вызванного силою напряженной молитвы, – произнес Эбрамар.

– А теперь в путь, друзья мои. Я хочу показать вам еще два места благодати небесной, оба в высокой степени интересных.

Он достал из-за пояса палочку, повертел ею в воздухе, и из нее посыпались снопами искры. Вдруг поднялся сильный ветер и теплое, огненно-красное течение подхватило всех троих и понесло с такой головокружительной быстротой, что Супрамати показалось, что он вот-вот задохнется.

Сколько времени летели они с такой бешеной быстротой, он не мог бы сказать. Но когда полет стал замедляться, Супрамати увидел под собою широко раскинувшийся город. Улицы и крыши были покрыты снегом; множество церквей поднимали к небу золоченые маковки,

увенчанные крестами, и широкие полосы света отличали эти священные убежища человечества от окружающих зданий.

Воздушные путешественники опустились на землю около небольшой часовни, наполненной богомольцами и окутанной столь ярким светом, что она казалась объята пламенем.

В высоких серебряных подсвечниках горело бесчисленное множество восковых свечей. Некоторые из них окружала широкая золотистая полоса, и свеча горела ярко, а пламя вытягивалось и точно сливалось с источником огня и света, пылавшим в глубине часовни; иные свечи горели тускло, дымились, трещали, и воск оплывал.

Посреди очага света виднелась большая икона под золотой, украшенной драгоценными камнями ризой, и сквозь древнюю живопись выступал лик небесной красоты, дышавший божественным милосердием и сосредоточенной грустью. Глаза, удивительно живые, вдумчиво смотрели на коленопреклоненную толпу с неопишуемым выражением любви и сожаления. И на каждого подходящего к иконе ясный взгляд бросал огненный луч, который пронизывал, согревал, укреплял молящегося, вступавшего в эту обитель света, тепла и гармонии.

– Вы видите здесь одно из отражений Пресвятой Девы! – сказал Эбрамар, падая ниц перед образом.

Оба ученика последовали его примеру, и из душ их вознеслась горячая мольба к Утешительнице всех страждущих, плачущих, борющихся с юдолью земною и взывающих к Ее милосердию.

Когда они поднялись, новая толпа мужчин, женщин и детей, богатых и бедных, без различия положения, хлынула в часовню; скоро явился священник, и начался общий молебен.

По мере того как молитва, сообразно чистоте молящегося, возносилась более или менее блестящими золотистыми спиралями, возникало удивительное зрелище.

В центре света, окружавшего образ, с треском кипела как будто раскаленная лава, из которой вырывались широкие волны разноцветного огня, падавшего на благоговейно склоненные головы, оставляя на них фосфорические светлые пятна.

Вся часовня точно дрожала под могучими вибрациями удивительной гармонии, которая не являла какую-нибудь определенную мелодию, а была каким-то собранием разнообразных аккордов, сливавшихся в бурю созвучий: то были вибрации общей молитвы.

– Вы видите, друзья мои, великую тайну божественной силы, вызванной и привлеченной человеческой молитвой. Она излечивает, укрепляет, обновляет, дает забвение страстей и горестей земных. Смотрите, одни плачут, другие вдруг охвачены испариной; это теплое, чистое излучение добра гонит из организма вредные миазмы, – заметил Эбрамар, когда они выходили из часовни.

У входа Эбрамар вдруг остановился и указал рукою на человека еще молодого, но истощенного. Он шел с поникшей головой, глядя в землю. На мертвенно-бледном лице его застыло выражение отчаянной злобы.

– Посмотрите на этого человека. Он собирается покончить с собой, в кармане у него яд; у него нет более ни сил, ни желания влачить свое существование, бороться с житейскими невзгодами, противиться мучающей его бесовской своре. Посмотрите: черные тени кружатся вокруг него, внушают ему ропот, разжигают горечь и отвращение к жизни. Но недаром, несчастный, твой дух-покровитель привел тебя к этому источнику спасения.

Маг поднял руку, и из нее блеснул яркий, светлый луч. Неизвестный, точно получив удар, остановился; адская же стая начала отступать, свистя и корчась.

Золотой луч змеей обвился вокруг незнакомца, увлекая его к часовне, куда он вошел почти бессознательно, и точно задыхаясь от чистых, острых и пронизывающих токов, тяжело упал на колени.

Несколько минут стоял он без мысли, в изнеможении, точно застыл. Но очи Божественной Матери уже взирали на горемыку с несказанным сожалением; хлынули потоки света и

тепла, змейки огня забегали по нему, пронизывая его, а затем из его тела повалил густой черный дым и брызнули дождем разноцветные шарики, с треском лопающиеся, распространяя зловоние, которое тотчас же заглушалось чистой атмосферой часовни.

И по мере того как очищался его организм, сходила мертвящая апатия, а мутный и усталый взор несчастного обратился к лику Девы. Медленно, с усилием пробормотал он молитву, почти машинально поднял руку и три раза перекрестился. Тотчас же перед ним и по бокам появились три светящиеся креста и белая, блестящая дымка окутала его.

При виде этого толпившиеся у входа бесы заволновались, шумя, свистя и испуская зловонные флюиды. Они понимали, что жертва вырвалась от них, и когда несчастный вышел из часовни, как бешеные накинулись на него, но уже были бессильны, натолкнувшись на кресты, освещавшие путь грешнику и ограждавшие его совместно с явившимся за ним чистым духом. Черная бесовская туча отступила, а немного спустя незнакомец вынул из кармана флакон с ядом и разбил его о мостовую. Над его челом витал мерцающий огонек.

– Этот не погибнет. Он снова обрел веру, а такая броня делает человека неуязвимым, – сказал Эбрамар.

И трое невидимых путешественников поднялись в пространство.

Блаженная улыбка озаряла лицо мага: он спас человеческую душу.

– Куда отправляемся мы теперь, учитель? – спросил Супрамати.

– К одному из величайших и дивных покровителей этой злополучной страны, против которой ад ведет в настоящее время жесточайший приступ.

На этот раз достаточно было нескольких минут, чтобы привести их к цели.

Показалась зубчатая стена и золотые купола древнего монастыря.

Невидимые путешественники вошли в обширный храм с массивными стенами. Налево от царских врат на возвышении стояла гробница святого и несколько монахов стояли у изголовья.

Но там почивал вовсе не усопший, мощам которого поклонялись. Над ракой возвышалась высокая, величавая фигура старца. Громадное сияние окружало главу его, и из всего его существования исходили снопы света, а за плечами два широких луча ослепительной белизны и яркости, сверкавшие, как снег на солнце, поднимались точно громадные крылья и исчезали вверх.

Воздевая руки над теми, кто подходил к нему, дух обливал их серебристым светом.

Эбрамар также с благоговением преклонил колена и получил в ответ поток золотистых брызг, которые мгновенно были поглощены чистым и светлым телом мага.

– Тяжела и трудна миссия этого великого духа, – заметил Эбрамар.

Благодаря своей чистоте, мудрости и силе, он мог бы подняться в лучезарные сферы; а он добровольно остается прикованным к земле, в этой слизистой, наполненной миазмами атмосфере и ежеминутно должен прикасаться ко всем человеческим язвам.

Но великая любовь к народу, среди коего он жил, внушает ему столь глубокое сострадание, такой неистощимый запас милосердия, что бремя его не кажется ему тяжким. Взгляни: без перерыва и усталости изливает он на всех приходящих к нему живительное и врачующее веяние. Сила его неимоверна, все вокруг озарено светом; даже масло, горящее в лампадах у раки, насыщено светом и целебными ароматами.

Какие же мы, право, счастливые бездельники в сравнении с ним! Мы бежим от тьмы, от прикосновения ко всему нечистому. Мы изучаем и мирно смакуем в тиши своих дворцов чудеса науки, тогда как он, который мог бы наслаждаться всем великолепием высших сфер, гармонией и покоем, полным блаженством праведника, остается здесь. Ничто не может поколебать его бесконечного милосердия; он исцеляет и укрепляет; ухо его, равно как и сердце, всегда открыты всем, кто несет ему свои грехи, сомнения, горе и надежды. Он плачет и молится с ними, поддерживает их, внушает силу жить, чтобы честно довести до конца их земное испытание. Как мелки мы перед этими великими духами, которые жертвуют собою для человечества, защищая его против лукавства и злобы бесов, производящих даже на них яростные нападения.

Если бы люди знали только всю широту помощи, которую могут оказать им эти друзья и покровители свыше, именуемые святыми, если бы видели силу, заключающуюся в молитве, то не было бы столько несчастно погибающих.

– Учитель, а разве раскаяние и молитва после смерти не могут спасти душу? – спросил Дахир.

– Конечно, могут. Молитвой и раскаянием спасено неисчислимое количество душ. Только надо много силы упавшему в яму, чтобы выбраться из нее; а не все сильны. На эти-то колеблющиеся, греховные и часто впадающие в отчаяние души и набрасываются с ожесточением злые духи, привлекают их к себе и искушают упоением, роскошью жизни, безнаказанностью преступления и наслаждением всем тем, что составляет прелесть для развращенной души. Часто, очень часто души эти становятся адептами ада и на долгие века сходят со светлого пути прогресса. Это служит объяснением одного места в Евангелии, которое *профану* кажется несправедливым: «...так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

– Во время последнего моего пребывания среди людей я заметил, что религиозный дух угасал все более и более; что же будет, если столь необходимое чувство веры совершенно исчезнет в человечестве? – задал вопрос Супрамати.

– Разумеется, первым следствием подобного положения вещей для человечества явится громадное умножение преступности; а по мере того как люди будут двигаться дальше по пути порока, преступлений и других мерзостей, род человеческий будет дурнеть, вырождаться и быстро уменьшаться. Взамен того в ужасающих размерах возрастет та язва невидимого мира, которая и теперь уже первый атмосферный слой, окружающий землю, обращает в настоящее чистилище, если не в ад для всякого духа, покинувшего тело. Я говорю о полчищах выкидывшей, о тех несчастных духах, которые пригвождены к земной атмосфере.

Втолкнутые в плоть космическим законом воплощения, и затем будучи насильно вырваны из этой среды во время формирования земного тела, они оказываются в пространстве с астралом, покрытым точно толстой корою жизненными флюидами, собранными на значительное число лет. Тогда происходит странное и тягостное для духа явление: астральное тело питается этими жизненными запасами, оставшимися без употребления, растет, развивается неестественным образом и получается какая-то амфибия, – получеловек, полудух, пригвожденный однако к земле и испытывающий потребности земные.

Существа эти чаще всего становятся бесами, которые подстерегают людей и животных, чтобы высасывать из них жизненную силу. Иногда они внедряются в тело живого человека, чтобы насладиться с ним плотскими удовольствиями. Будучи духами одержимыми, по преимуществу, они толкают человека на преступление или подводят под несчастье, катастрофу и т. д., чтобы насытиться пролитой кровью, запах коей опьяняет их и доставляет невыразимое наслаждение. Народ, по своему безошибочному чутью, зовет их кикиморами; но люди и не подозревают даже страшного могущества этих ларвических, вампирических существ.

Ну, а теперь, дети мои, в дорогу. Пора вернуться домой, прибавил Эбрамар.

И легко, свободно, точно клубы пара, несомые ветром, все трое направились к их уединенному дворцу в Гималаях.

Глава четвертая

Эбрамар уехал, а ученики его с новым жаром принялись за работу.

Главным образом они занимались развитием зрения, обоняния, слуха, осязания и с восторгом убеждались, как постепенно развивались незнакомые им до тех пор чувства.

Сокровенная жизнь существ и вещей раскрывалась перед их прозревшими глазами. Теперь они свободно видели в пространстве, как корпорации духов-работников вдыхали – в виде питания – растительные изливания, они уже могли следить за увяданием и смертью растений; глаз их усматривал черноватое пятно, поглощавшее последнюю каплю первобытной материи, которая выделялась из растительного организма.

С не меньшим интересом наблюдали они все фазы развоплощения животного, этого меньшего брата человека, язык которого они научились понимать. Наконец, изучение бесчисленных свойств жизненного эликсира и разнообразные методы его применения представляли бесконечное поле для труда.

Эта умственная работа захватывающего интереса до того поглощала их, что личной жизни у них почти не существовало.

Как-то раз, когда они отдыхали на террасе после особенно утомительной работы, Дахир неожиданно спросил:

– Как ты думаешь? Сколько времени могло пройти с тех пор, как мы здесь? Должно быть, порядочное количество лет.

– О, конечно! Но к чему считать время! Ведь только заурядное человечество считает жалкие годы его мимолетной жизни, из которой к тому же половину оно проводит во сне, в еде и грехах. Нас время не касается, – ответил Супрамати.

– При последнем посещении Эбрамар сказал, что наши познания достаточно подвинулись для того, чтобы мы могли испытать их на практике, – заметил Дахир, помолчав. – Но, признаюсь, я страшусь этой минуты. Что он от нас потребует? Какому испытанию подвергнет? Может статься, чувства и страсти, которые мы считаем побежденными, вновь пробудятся и будут терзать нас.

Супрамати вздохнул.

– Ты прав. Вероятно, предстоит еще не одна нравственная борьба. В каждом из нас земной человек глубоко укоренился.

Но к чему заранее мучить себя? Страшная тайна нашей удивительной судьбы повелевает нам идти вперед, и потому пойдём.

Он протянул руку своему товарищу по несчастью и работе, и тот молча пожал ее.

Дня через два после этого разговора, оканчивая свой скромный обед, они увидели приближавшуюся лодку.

В первую минуту они подумали, что это Эбрамар, но вскоре увидели в лодке двух учеников.

Причалив, те вышли на террасу и пожали руки обоим отшельникам, приветливо их встретившим.

Это были красивые молодые люди, но в глазах их таилось выражение глубокой задумчивости, изобличавшей бремя веков.

– Мы пришли за вами, братья, – сказал один из прибывших. – Надевайте скорее вашу лучшую одежду, и через час мы должны уехать.

– И куда мы отправимся? – спросил Супрамати.

– На собрание братьев, – ответил посланный. Час спустя Дахир и его друг входили в лодку.

Они были в белом официальном одеянии, на шее висели медальоны с первобытным веществом, на пальце надето было кольцо Грааля. По той же дороге, по которой когда-то пришли, они достигли пещеры источника вечной жизни.

На этот раз там собралась многочисленная толпа, сгруппировавшаяся полукругом около камня, где стояла чаша. С одной стороны стояли мужчины, с другой – женщины под покрывалами. Посредине, перед чашей, стоял Эбрамар, который жестом подозвал к себе Дахира и Супрамат и поставил около себя.

Тотчас же все присутствующие хором запели песнь, и странная, впервые услышанная мелодия произвела на обоих друзей глубокое впечатление.

Когда последние могучие аккорды стихли, заговорил Эбрамар и прочел молитву, испрашивая у Верховного Существа силу, мужество, терпение и покровительство для всех собравшихся, дабы они могли пройти тернистый путь их странной судьбы, предназначенной им Отцом небесным.

После этого все опустились на колени, произнесли краткое благодарение, поклонились источнику жизни и затем прошли в большую смежную пещеру, в глубине коей был накрыт большой стол, окруженный стульями.

Прежде чем сесть за обед, все перемешались, с радостью отыскивая старых, давно невиданных знакомых. Супрамат узнал многих рыцарей Грааля, как вдруг сердце его сильно забилося. Одна из женщин откинула вуаль и пошла к нему, счастливая и улыбающаяся. То была Нара.

Дрожа от волнения, Супрамат прижал ее к груди и крепко поцеловал.

Молодая женщина казалась еще прекраснее. В своей белой, легкой и фосфорически блестящей тунике, окутанная, словно мантией, золотистыми волосами, она напоминала ангельское видение; глаза ее выражали такую горячую, глубокую и чистую любовь, что неопишное блаженство охватило сердце Супрамат.

– Какое неожиданное счастье увидеть тебя снова, возлюбленная Нара, – шептал он. – Счастье это вознаграждает меня за все мои труды и долгую разлуку.

– Неблагодарный, – ответила Нара, улыбаясь, – Разве ты не слышал часто мой голос, не чувствовал дыхания моего на своем лице, не обменивались мы разве мыслями? Души наши никогда не разлучались. Но признаюсь, что для меня большая радость видеть тебя самолично. Погоди, после обеда мы наговоримся, а теперь ты должен еще обнять Нурвади и своего сына. Смотри, они идут к нам.

Взволнованный Супрамат направился навстречу прекрасной индуске, которая подходила в сопровождении юноши лет 17 или 18; большие черные глаза его смотрели на отца радостно и любовно.

Супрамат поцеловал Нурвади, потом привлек к себе сына.

– Сандира, дорогое мое дитя. Я с радостью замечая, что последствия моего преступного невежества все более и более сглаживаются. Ты стал почти молодым человеком, – произнес Супрамат, волнуясь и радуясь.

– Да, я все быстрее и быстрее расту и лет через десять у меня начнут пробиваться усы, – ответил весело Сандира.

– Не упрекай себя, дорогой отец, – прибавил он, целуя руку Супрамат. – Ведь из любви ко мне, страхась потерять меня, ты дал мне выпить жизненный эликсир. Ты не предвидел, что доза была слишком велика для грудного ребенка; но это простительно, и избави меня Бог упрекать тебя за то. Кроме того, твоя неосторожность дала мне неоценимое благо: покровительство и любовь Эбрамара. Он руководит мною, учит меня, лечит и наблюдает за мною, как за собственным сыном, а ты сам понимаешь, какое счастье быть под попечением этого высокого духа.

Разговор их прервало приглашение к обеду. С понятным любопытством Супрамати осматривал и общество, и накрытый стол, который был сервирован со всевозможной роскошью, по-видимому, любимой таинственным братством.

Посуда, сосуды и корзины – все было из драгоценного металла, резное, инкрустированное, отделанное эмалью; но все эти образцы искусства носили особый отпечаток, были неизвестного стиля, по-видимому, баснословной древности.

Что касается гостей, то они, вероятно, принадлежали ко всем слоям тайного общества, и на этой братской трапезе не соблюдалось иерархического различия.

Простые рыцари Грааля сидели рядом с магами высших степеней, от которых лился сильный, трудно выносимый свет. Не без удивления убедился он, что головы адептов, не исключая и Дахира, окутывало более или менее блестящее сияние. Свою голову он не видел, но предполагал, что и его очистившийся и развившийся разум источает подобный же свет, и это сознание глубоко радовало его.

Самый обед, несмотря на роскошную сервировку, был очень скромный.

Он состоял из риса и зелени, маленьких, чрезвычайно легких хлебцев, залитых медом, и чего-то вроде очень душистого сероватого желе, какого Супрамати никогда не пробовал. Это странное кушанье подали в крошечных золотых вазочках, по одному шарикку с орех величиной в каждой. Съев его, Супрамати ощутил живительную теплоту; все существо его как бы расширилось, исполнилось неведомой силой, удивительным напряжением воли и жаждой деятельности.

После обеда все хором пропели молитву, потом присутствующие группами рассеялись по соседним гротам. В одном поместился Супрамати с Нарой, Нурвади с Сандирой.

Теперь только Супрамати разглядел внимательно молодую индуску.

Она похорошела, и ее большие черные глаза, с добрым и мягким выражением, озарились огнем высшего разума.

– Не испытываешь ли ты разочарования в твоей новой жизни, не жалеешь ли о прошлом, Нурвади? – спросил он дружески.

Молодая женщина покраснела.

– Нет, я счастлива. Я работаю, начинаю понимать красоты творения и, живя наукой, не испытываю более пожиравшей меня скуки. Сандира часто навещает меня и для меня это дни радости; а о тебе, которому обязана всем своим счастьем, я думаю непрестанно. Но теперь любовь моя к тебе иная. Ревнивая страсть, земные желания меня более не мучают, мир и гармония наполняют мое сердце, а я обожаю тебя, как доброго гения и покровителя, – заключила она, прижимая к губам руку Супрамати.

Сандира также описал подробно свою жизнь, и завязалась оживленная беседа, в которой Нара поделилась с мужем своими замечаниями.

– Слышишь, колокол звонит, – заметила Нара. – Это знак, что свидание наше должно закончиться. Надолго должны мы расстаться телесно. Сложная задача будет возложена на тебя и Дахира, как сообщил мне Эбрамар. Но, когда испытание это кончится, нас отправят, вероятно, прогуляться по белу свету, и тогда, господин маг, мы станем вновь простыми смертными, будем развлекаться и бывать в обществе. Только я не позволю тебе разыскивать m-II Пьеретту, – прибавила она лукаво и потянула его за ухо.

Супрамати от души рассмеялся. Мысль снова увидеть Пьеретту показалась ему необыкновенно комичной.

– Злопамятство женщины, оказывается, тоже бессмертно, – хитро улыбаясь, возразил он.

Однако шутка пришлась очень кстати, чтобы прервать и рассеять тяжелое волнение, охватившее Супрамати при мысли о продолжительной разлуке с Нарой, он с грустью осознал, как много еще было земного в его чувствах к жене.

В эту минуту у входа в грот появился Эбрамар и жестом позвал своего ученика.

Супрамати торопливо поцеловал Нурвади с сыном, прижал к груди Нару и, простившись с ними, пошел за магом.

В смежном гроте они нашли ожидавшего их Дахира. Целым лабиринтом подземных ходов дошли они до канала, где их ожидала лодка с гребцом, и Эбрамар сел у руля.

По мере того как они скользили под низким и мрачным сводом каменной галереи, озаренной невесть откуда исходившим бледно-зеленоватым светом, томительное ощущение тоски и усталости охватило обоих учеников-магов; потом незаметно веки их сомкнулись, и они крепко уснули. Неизвестно, сколько времени длился их сон, но разбудил их порыв холодного ветра, от которого они вздрогнули. Они выпрямились и с удивлением осмотрелись.

Во все стороны расстилалось водное пространство; трудно было сказать, море это было или огромное озеро.

Воздух был значительно холоднее того, к которому они привыкли; по туманному небу бежали густые тучи, зеленоватая вода была непрозрачна и косматые пенистые волны сильно качали легкую лодку.

В эту минуту на горизонте показалась полоса земли, к которой они быстро подошли. Перед ними был пустынный каменистый берег, а вдали виднелись голые остроконечные скалы.

Дахир с приятелем обменялись тревожными взглядами и сердца их забились сильнее, когда лодка причалила к каменным ступеням и они смогли ближе взглянуть на расстилавшуюся перед ними тоскливую картину.

Почва была бесплодна и усеяна камнями, вдали тянулась цепь скал, и на всем видимом пространстве не имелось ни дерева, ни зелени. Перед ними была настоящая пустыня.

Эбрамар вышел на землю и сделал знак ученикам следовать за ним.

Привыкнув к послушанию, те тоже вышли; но по мере того как они подвигались, ими овладевала мучительная тоска.

Нигде не замечалось ни малейшего следа растительности; даже клочка мха не было, чтобы хоть сколько-нибудь оживить пыльную сероватую почву или черные расщелистые скалы; ни малейшей струйки воды не журчало между камнями. Несомненно, это была пустыня. А Эбрамар между тем все шел вперед. Дойдя до ближайших скал, он остановился на минуту и потом через широкую расщелину вошел в высокую и просторную пещеру, слабо освещенную укрепленным в стене факелом.

Красноватое дымное пламя отражалось на темных сталактитах свода и позволяло видеть в полутьме две постели, каменный стол и два стула.

Недоумевая, осматривали Супрамати и Дахир предназначенную им как будто для жилья мрачную, пустую, с двумя жалкими ложами пещеру. Сердце сжималось и голова кружилась у них при мысли жить в пустыне, в этой ужасной яме после того, как они привыкли к роскоши и комфорту их гималайского дворца и богатой, чудной природе, представлявшей уголок рая.

Наблюдавший за ними Эбрамар чуть заметно усмехнулся.

– Я вижу, друзья мои, что вы потрясены, но это совершенно напрасно. Я привез вас сюда вовсе не в ссылку, в виде наказания, а для того чтобы предоставить вам поле деятельности, предназначенное для упражнения ваших способностей.

Наступило время применить к делу усвоенную вами науку. Вам нет никакой необходимости жить в таком неприятном месте, и от вас одних зависит обратить его в уголок рая. В этом отношении вы обладаете всеми нужными средствами. Ваша дисциплинированная воля повелевает стихиями, утонченные чувства позволяют вам видеть и слышать многое, невидимое простому смертному; вы научились анализировать первобытную материю, извлекать таящиеся в ней семена жизни; наконец, в вашем распоряжении формулы белой магии, которые позволяют вам собирать и рассеивать молекулы пространства.

Словом, вы вооружены могуществом, необходимым для того, чтобы оплодотворить это бесплодное место; примените же ваши знания к столь громадному труду. Из простых невеже-

ственных смертных энергия ваша сделала вас магами, так покажите себя достойными посвящения и выполните эту задачу. Она велика, благородна и полезна. Вам незачем спешить, времени у вас достаточно.

А теперь, дети мои, я вас покидаю и вернусь тогда, когда это дикое место покроется растительностью, деревья дадут сладостную тень для отдыха, сочные плоды созреют, чтобы подкрепить меня, а цветы усладят мой взор и мое обоняние.

Недалеко от этой пещеры, в углублении скалы, висит колокол; он отлит из смеси металлов в особые мистические часы и обладает таинственной силой. Когда начертанная мною вам программа будет окончательно выполнена и душа ваша будет призывать меня, колокол сам собою начнет звонить; тогда эти таинственные звуки донесутся до нашего слуха, и я приду с другими магами, моими братьями, приветствовать вас и проверить вашу работу.

Прощайте, дети мои! Да поддержат вас и да помогут вам добрые духи.

Он обнял их, благословил и покинул пещеру. С минуту Супрамат и Дахир стояли молча, словно оцепеневшие; но когда усилием воли они стряхнули с себя забытие и бросились провожать Эбрамара, то мага уже не было.

Безмолвно, с тяжелой головой, со сжатым тоскою сердцем вернулись они в пещеру, сели на каменные стулья и, опустив головы на руки, погрузились в печальные думы.

Никогда еще смелые работники не испытывали такой слабости. Данная им программа казалась непреодолимой трудностью, задача обратить пустыню в рай их подавляла. Словом, это был недобрый час, час слабости душевной, когда они усомнились в собственном знании, и страх неудачи сжимал, словно тисками, их сердца.

Супрамат и вдруг показалось, что он ровно ничего не знает, что все его знания улетучились, что он безоружен перед невозможной задачей, и сквозь его пальцы капнуло несколько горячих слезинок. Была минута, когда он пожалел даже о своей комнате в Лондоне и о невежестве бедного врача Ральфа Моргана.

В этот момент лба его коснулась атласная ручка и хорошо знакомый голос прошептал:

– Ах, Супрамат! Можно ли поддаваться подобной слабости! Оставаясь Морганом, ты никогда не знал бы Нары, а я льщу себе мыслью, что ты пожалел бы об этом.

Как ужаленный, вскочил Супрамат со своего места и густо покраснел.

В его больших глазах сверкнула обычная энергия.

Подойдя к Дахиру, все еще сидевшему с поникшей головой, он хлопнул его по плечу.

– Подними голову, друг. Нара только что пристыдила меня за слабость, и она права! Мы ведем себя, как два школьника, а не как адепты, стремящиеся завоевать венец магов. Я краснею при одной мысли об Эбрамаре.

Дахир выпрямился и поспешно отер свои влажные глаза.

– Благодарю, что ты заставил меня опомниться, – твердо сказал он. – Хныканьем мы не улучшим своего положения, а если не хотим терпеть нужду, то должны работать.

К Супрамат и уже вернулось хорошее расположение духа.

– Пойдем прежде всего прогуляемся по нашим новым владениям и осмотрим великодушно предоставленное нам поле деятельности. Воздух освежит нас, а то эта отвратительная яма с дымящимся, вонючим факелом раздражает нервы.

Смеясь, он взял под руку Дахира и вывел на воздух.

Неподалеку они увидели таинственный колокол, который должен был возвестить об их успехе. Он был сделан из металла, отливавшего всеми цветами радуги, и помещался высоко над отвесной скалой; но как и на чем он висел, трудно было понять.

– Ах, прелестный колокол, как я буду рад, когда ты зазвонишь, возвещая наш отъезд из этого чудесного места, – сказал Супрамат, вздохнув.

Прогулка их длилась несколько часов.

Они убедились, что находятся на острове не более двух километров в окружности, разделенном надвое цепью скал.

– Нет ни источника, ни малейшего следа растительности. Эта мертвая природа просто отвратительна, и надо как можно скорее приняться за дело. Эбрамар прав; под этой серой, пыльной корой течет первобытная кровь творения, и я слышу шум подземных источников, – заметил Дахир.

Усталые, возвратились они в пещеру и улеглись на постелях, неудобных и жестких. Но через несколько минут Супраматти вскочил.

– Меня бесит этот факел, он дымит и воняет пуще прежнего, и к тому же так темно, что ничего не видно. А я хочу есть. Не может быть, чтобы на первый раз, по крайней мере, нам не приготовили чего-нибудь. Было бы просто жестокостью заставить нас спать на этом одре с пустым желудком.

Дахир рассмеялся.

– Правда, и я голоден, и меня раздражает эта полутьма. А что, если устроить освещение сгущенным электричеством?

– Эврика! Ты можешь иногда дать хороший совет, Дахир. Примемся сейчас же за дело.

Они стали на значительном расстоянии друг от друга и, подняв свои волшебные жезлы, стали с головокружительной быстротой вертеть их над головами.

Вскоре на конце жезлов появился голубоватый свет, огненные зигзаги замелькали в воздухе и словно поглощались голубоватым светом, который явно увеличивался, принимал шарообразную форму, сгущался и становился матовым. Когда сфера достигла величины апельсина, Супраматти снял ее с жезла, который засунул за пояс, помял слегка в руках это, сделанное как бы из голубоватого теста, приложил его к стене, а затем поднял руку, и из пальцев его сверкнула струя огня, которая точно зажгла сферу, и она мгновенно вспыхнула ослепительным светом.

Дахир проделал то же самое, и когда его шарик также вспыхнул, пещера озарилась точно днем, и стали видны самые отдаленные ее уголки.

Прежде всего Супраматти сорвал факел, затушил его и брезгливо выбросил вон.

Теперь видно было, что в глубине пещеры стояли два шкафа, два деревянных сундука, а на них два больших ящика черного дерева с богатой резьбой, заключавшие в себе магические инструменты. В сундуках находились платье и белье, а в шкафах несколько книг и папирусов, два больших сосуда с вином и две коробки с темным, очень душистым порошком.

– Вино и питательный порошок? – Этим желудка не расстроишь, – с кислой миной проговорил Супраматти.

В это время Дахир снимал молча бывшее на нем платье и надевал темную шерстяную тунику с кожаным поясом.

Супраматти последовал его примеру. Затем они выпили каждый по чаше вина и съели по ложке питательного порошка.

– На сегодня приходится довольствоваться этой монашеской трапезой, а завтра постараемся добыть что-нибудь получше, – проворчал Супраматти, вытягиваясь на постели.

Глава пятая

На следующий день друзья поднялись с рассветом, свежие, бодрые и в прекрасном расположении духа.

Во время скромного завтрака, состоявшего из чаши вина и ложки порошка, Супрамати заметил: – Остров разделен на две части цепью скал; возьмем каждый по половине: ты будешь обрабатывать одну, – я другую. Во время обеда будем сходитья здесь и обмениваться результатами наших опытов.

– Превосходно. Мысль твоя очень хороша. Итак, мы расстанемся. Которую половину берешь ты?

– Ту, которая окружает нашу пещеру, если тебе все равно.

– Положительно.

Продолжая разговаривать, они вышли на воздух.

– С чего ты думаешь начать? – спросил Дахир.

– Я хочу вызвать проливной дождь, чтобы увлажнить и очистить воздух, который тяжел и густ, точно перед грозой. Мы еще не видели здесь солнечного луча. А ты что будешь делать?

– Я пойду искать подземные источники и попробую вызвать их на поверхность земли. Оба опыта хороши и помогут нам оживить нашу пустыню.

Обменявшись дружеским рукопожатием, друзья расстались.

Дахир перебрался через скалу, составлявшую границу его владения, достал свой магический жезл и, опустив его к земле, пошел вдоль скал к тому месту, где накануне ему слышался шум подземных вод.

Вдруг его жезл начал вздрагивать, уклоняться вперед, увлекая хозяина, пока наконец не остановился на расщелине одной скалы. Дахир прислушался, и до его тонкого слуха ясно донеслось клокотание невидимого водяного потока.

Очевидно, там протекал могучий источник, не находивший выхода.

Заткнув за пояс жезл, Дахир обнажил волшебный меч. Блестящим клином он очертил в воздухе огненный треугольник и затем несколько каббалистических знаков, произнося в то же время формулы, вызывающие духов стихии.

На острие меча сверкнуло голубоватое пламя, и тогда Дахир быстро вонзил таинственное оружие в расщелину.

В тот же момент раздался взрыв. Расщелина скалы раздвинулась, и из нее стали вылетать камни и земля; потом вырвалась широкая струя воды, которая хлынула с такой силой, что покрыла ноги молодого мага и, наверно, опрокинула бы его, не воткни он тотчас же перед собой свой меч. Пенистые волны разделились на два рукава и стали наполнять ров, который, извиваясь, спускался в долину.

Очень довольный, Дахир шел вдоль нового потока, а потом свернул вправо и осмотрел долину.

Вскоре он открыл обширное углубление, походившее на высохшее дно озера. Опыт с волшебным жезлом убедил его, что воды, исчезнувшие вследствие какой-нибудь катастрофы, заполняли собою подземные пещеры, и надлежало вызвать их на поверхность.

Не теряя времени, он вынул волшебный меч, очертил им в воздухе круг и произнес формулы. Жилы на его лбу надулись под напряжением воли, а глаза метали пламя.

Вдруг с острым свистом из атмосферы сверкнуло что-то вроде стрелы, красной, как раскаленный металл, которая вонзилась в середину начертанного Дахиром круга.

Земля задрожала и стала растрескиваться; потом со всех сторон хлынула вода, и мутные волны стали наполнять высохшее ложе.

Погруженный в работу, Дахир не заметил, что небо покрылось густыми сизыми тучами; бурный ветер поднял вихрь пыли, и лишь когда прокатился могучий удар грома, он поднял голову и увидел, что потемневшее небо бороздили сверкавшие молнии.

– Ага! Супрамати занялся грозой, – прошептал он, улыбаясь.

И, не обращая больше внимания на работу приятеля, он стал снова наблюдать, как наполняется чаша озера, а ветер вздымает пенистые, косматые волны.

Гроза между тем перешла в ураган; громовые удары потрясали землю, молнии диким блеском зловеще озаряли бесплодную долину и причудливые зубчатые контуры мрачных скал. Ветер ревел, свистел, и хлынул проливной дождь.

– Это, пожалуй, уже слишком, – проворчал Дахир, встряхивая свое промокшее в одну минуту платье. – Надо пойти к Супрамати и поздравить его с великолепным ураганом, а затем позвать в пещеру.

И он поспешно направился к холмистой преграде, разделявшей их владения.

Он увидел Супрамати стоявшим на выступе скалы с поднятым жезлом; взор его сверкал и он, казалось, повелевал бурей.

В несколько шагов Дахир был около него и со смехом потрянул его за руку:

– Поздравляю! Гроза сделана мастерски. Но, мне кажется, она может сама разыгаться дальше, а мы пойдем в пещеру. Ты устроил целый потоп.

– Может быть, я употребил слишком сильную формулу; это мой первый опыт. Взгляни, однако, как работают духи стихий.

Дахир поднял глаза к темному небу, и оба залюбовались происходившей там работой.

Фаланги сероватых теней плотными рядами пронизывали воздух во всех направлениях. Их путь обозначался миллиардами искр, которые сливались и огненными зигзагами прорезывали сизо-черное небо. Другие колонны духов толкали скопившиеся тучи, словно что-то лепили и сгущали в пространстве.

– Пусть себе работают. Все идет, как я им приказал, – сказал Супрамати. – Пойдем в пещеру. В самом деле, здесь слишком сыро. Но, сказать правду, управлять стихиями тяжелое дело.

И от души смеясь, оба бегом направились к своему жилищу.

Переодев сухое платье и обтерев мокрые волосы, они стали у входа в пещеру, наблюдая, как понемногу стихала гроза, прекращался дождь и ветер разгонял тучи. Наконец, выглянул кусочек голубого неба, и вдруг блеснул широкий солнечный луч, обдавший землю теплом и светом.

В радостном восторге Супрамати поднял руки к небу.

– Привет тебе, царственное светило, помощник всех сил творческих, животворный очаг света, тепла и надежд. Как я понимаю, мудрейшие из народов, египтяне, поклонялись тебе на коленях! Где появляешься ты, сердце людское оживает, и надежда возрождается в душе; человек поднимает свою поникшую голову и оживленный, укрепленный тобою, бодро принимается снова за работу. Нам также, Дахир, небесный благодетель Ра-победитель, источник жизни и изобилия, – посылает свои лучи и улыбкой приветствует наши труды.

Дахир сочувственным взглядом смотрел на оживленное и взволнованное лицо своего друга.

– Да, первый день нашей работы был плодотворен, – сказал он с улыбкой. – У меня есть озеро, источник, голубое небо и солнце. Будем надеяться, что с помощью Ра в будущем у нас будет трава и другие хорошие вещи.

– Ах, как бы я хотел иметь дыню, грушу или какой-нибудь сочный плод! Я так голоден, точно я все еще бедный смертный Ральф Морган! – воскликнул Супрамати, резко переходя к действительности.

– Потерпи немного. Как только у нас появятся растения, мы станем выращивать плоды ускоренным темпом; а пока довольствуйся питательным порошком.

– И не подумай. Я сейчас же добуду весьма сытный обед, – сказал Супраматти, доставая свой жезл.

– Ты собираешься, кажется, извлечь себе обед из воздуха? – спросил Дахир, смеясь.

– Нет. Для такого храброго и знаменитого разбойника, каким ты был, ты не особенно находчив, друг Дахир.

– Конечно, я немного отвык от моего старого ремесла, тем не менее начинаю, кажется, понимать. Ты просто хочешь стащить обед, – шутливо возразил Дахир.

– Фи, какие грубые выражения для бессмертного мага! Я хочу просто, в виде опыта, приказать первичным духам принести нам из нашего гималайского дворца обед более существенный. Эбрамар сказал, что от нас одних зависит создать себе довольство, и не запретил пользоваться нашей магической силой и каббалистическими формулами. Ну, иди скорее ко мне.

Своим жезлом он очертил обоим большим кругом, поклонился на север и юг, восток и запад, произнося формулы, которые призывали к нему первичных духов, и повелел им исполнить его приказания.

Вскоре глухой шум раздался в пещере, послышались всюду сухие удары и стали появляться сероватые облачные тени, усыпанные фосфорическими пятнами; разноцветные огоньки вихрем закружились в бешеной пляске за пределами круга и послышался беспорядочный гам, крики и свист, словно ветер в грозу.

Супраматти поднял руку, произнес формулу, и наступила тишина. Затем через минуту стена как бы расступилась, сверкнул широкий луч, и в голубоватом фосфорическом свете показались скопища сероватых призрачных существ, тянувших и толкавших с головокружительной быстротой какой-то облачный предмет, бесцветный и легкий, как паутина, который дрожал и колебался, но имел вид уставленного яствами стола.

Вдруг огненный зигзаг прорезал воздух, земля вздрогнула, точно от громового удара, и тяжелый объемистый предмет с сухим треском вдвинулся в круг. А прозрачные массы низших существ исчезли уже в воздухе подобно легкому дыму.

Супраматти опустил руку, спрятал жезл за пояс и отер струившийся по лбу пот.

– Bravo! Стол готов и может удовлетворить даже обжору! А ты славно истолковал слова Эбрамара, что от нас зависит жить в довольстве, – засмеялся Дахир.

– Посмотрим, что нам подали, – сказал Супраматти, очень довольный, осматривая стол, от которого доносился приятный аромат.

Посредине красовались превосходная дыня и пирог, облитый вареньем; вокруг стояло несколько блюд зелени, свежее масло, хлеб, сыр, мед и кувшин с молоком.

– Да ведь они, вероятно, стянули это лукулловское пиршество на кухне какого-нибудь раджи, – прибавил Супраматти, восхищаясь не столько самим обедом, как способом, каким добыл его.

Приятели поели с большим аппетитом и часть провизии оставили на ужин. Тут же было решено, что на будущее время они будут доставать обед по очереди.

В следующие дни они продолжали отыскивать и извлекать новые подземные ключи, воды которых потекли в овраги. Они увидели также, что во многих местах вода и проливной дождь смыли песок и обнажили почву, пригодную для обработки.

Пользуясь способностью двойного зрения, приобретенного продолжительной работой над обострением их чувств, они скоро нашли невидимые для непосвященного подземные артерии, красные и жгучие, пронизывавшие землю по всем направлениям.

То была первобытная материя, так сказать, кровь планеты, которая текла, ища себе выход из-под твердой и сухой коры.

Тогда они занялись добыванием известного количества первобытной материи, чтобы извлечь из нее семена флоры и фауны, зародыши жизни, заключавшиеся в таинственной эссенции и ожидавшие, чтобы влажные земные пары пропитали их и вызвали на поверхность.

Наука ускоряла длительную работу природы. Могучая воля адептов быстро вызвала на поверхность таившееся в недрах земли богатство и затем жизненные начала, извлекавшиеся непосредственно из первобытной материи, распределялись по поверхности.

Супрамати сделал план своего владения и каждое место его обозначил именем растения, которое желал на нем вырастить, а затем он разбил землю по участкам и работал на них попеременно. Стоя посередине такого участка с вытянутыми руками, со вздутыми от страшного усилия воли жилами на лбу, он точно преображался. Из всего его существа исходили фосфорический свет и порывы тепла. Из пальцев его то шли длинные огненные струи, уходившие в землю, то лились лучи белого серебристого света, который стлался по поверхности и покрывал землю точно легкой дымкой.

Усилия его скоро увенчались успехом.

Однажды утром, отправляясь на поле, где он работал, Супрамати с радостным трепетом увидел, что земля будто подернулась зеленоватым газом, и даже камни стали чуть окутываться мхом.

Не будем день в день следить за жизнью обоих адептов и не станем описывать подробно их работы. Достаточно сказать, что мало-помалу выполнялась составленная Эбрамаром программа, и каменистая, бесплодная пустыня превращалась в цветущую плодородную долину.

Немало радости доставило молодым магам появление живых гостей, когда в густых уже ветвях деревьев начали вить гнезда первые певчие птички, в расщелинах скал появились прилетевшие голуби, в озере засверкала серебристой чешуей рыба, а среди цветов запорхали бабочки и пчелы.

Неутомимо работали они, чтобы украсить и обогатить тот уголок рая, который обязан был им своим существованием. С ревнивой заботливостью они то умеряли силу грозы, то разгоняли тучи, грозившие градом, или ослабляли разрушительную силу бурного ветра. И каждый раз, когда стихии покорно повиновались их воле, природа действовала согласно их намерениям, а невидимые духи им покорялись, невыразимое чувство гордости и сознания своей власти просыпалось в душе молодых магов при мысли, что они владеют таинственной наукой, облакавшей их чудодейственным, чуть не божественным могуществом. И в такие минуты их почти безграничная жизнь не казалась им бременем, а наоборот, неоценимым благом.

По мере того как шла естественная работа природы, Супрамати и Дахир не имели более свободного времени; но, привыкнув к непрерывной деятельности, они захотели испытать себя в искусстве.

На первый раз они слепили колонку, изображающую ветку лотоса, из распустившегося цветка которой возвышался бюст Эбрамара, удивительный по сходству и законченности исполнения. Затем с не меньшим совершенством Супрамати сделал статую Нары: обе статуи были помещены в пещере и украшены свежими цветами. Неоднократно, когда художники любовались своей работой, им казалось, будто мраморные головы оживают и приветствуют их улыбкой и любящим взором. Они забавлялись также добыванием металлов и делали корзины, сосуды и чаши из золота и серебра.

– Чтобы угощать магов даже из посуды собственной работы, – говорил, смеясь, Супрамати.

Наконец все было готово.

Под влиянием их воли и магического искусства пустыня преобразилась в роскошный сад. На плодоносных полях волновалось золотистое море спелых колосьев, изумрудная трава убралась цветами, деревья гнулись под тяжестью разнообразных плодов, хрустальные водопады лились, журча среди мшистых камней, а на кустарниках и в цветниках, всюду, редкие цветы

с яркими лепестками разливали чудный аромат. В воздухе раздавалось пение птиц, а на озере спокойно и величаво плавали белые и черные лебеди.

Однажды утром, осмотрев созданный ими уголок рая, друзья стояли перед таинственным колоколом и в задумчивости смотрели на него. Бесплодная прежде равнина, расстилавшаяся у подножия отвесной скалы, была покрыта теперь исполинскими пальмами; могучая листва образовала зеленый купол, который сверкал, как изумруд, под солнечными лучами.

– Я полагаю, что мы разрешили данную нам задачу, и удивляюсь только, что не раздается еще сигнал, который должен призвать Эбрамара и других магов для осмотра нашей работы, – недоумевал Супрамати.

– Мне тоже кажется, что мы во всем объеме применили преподанную нам науку... А может быть, мы что-нибудь забыли или пропустили? При всем нашем знании, мы все-таки пока лишь невежды по сравнению с великими искателями истины и бесконечных, неразгаданных тайн творения.

– Ты прав, – прошептал Супрамати, нервным движением проводя рукою по лицу. – Где вершина той волны, которая подхватила и несет нас?

Они замолчали и потупились.

Но колокол безмолвствовал, и они вернулись в пещеру, решив, что в их работе сделано какое-нибудь упущение.

Тщательно осмотрели они каждую частицу своего маленького царства, украшая и оживляя каждый уголок, казавшийся им несовершенным. После этого они снова пришли к колоколу; но он по-прежнему безмолвствовал.

В тревоге и изумлении переглядывались адепты.

– Боже! Чего же не достает здесь, чтобы удовлетворить наших учителей? – проговорил Супрамати.

– Я знаю, – ответил Дахир после глубокого раздумья. – Недостает престола Богу!

– Ах! Как могли мы забыть венец нашего дела! – вскричал Супрамати, и глаза его сверкнули.

Не теряя ни минуты, они принялись за дело. Скоро под отвесной скалой появились две мраморные ступени; потом, послушный могучей воле магов, от скалы отделился огромный кубический камень и лег наверху ступеней. В ту же минуту из глыбы сверкнуло яркое пламя, уплотнилось и приняло форму яркого, блестящего, как алмаз, креста.

С благоговением оба мага распростерлись перед мистическим символом спасения и вечности; из сердца их полилась горячая молитва к Отцу всего сущего, непостижимому Создателю всех чудес, которыми наделена вселенная.

В эту самую минуту колокол начал звонить, и его странные звуки, могучие, как гром, и однако мягкие, как воздушная музыка, потрясали все фибры человека.

Ясные и спокойные встали Супрамати и Дахир. Никакое перо не опишет того, что они почувствовали в эту минуту. Наполнявшая их душу гармония изгладила и рассеяла все тени, все сомнения, все страдания, пожирающие сердце человека-профана, которого плотские инстинкты держат в своих острых когтях.

Колокол смолк, но вдали послышался легкий мелодичный звук, точно пела Эолова арфа.

– Эбрамар едет, – сказали в одно время Дахир и Супрамати, и оба поспешно направились к берегу.

Там только что причалила лодка, из которой вышел Эбрамар, а с ним еще двое в белом одеянии, которые несли что-то на красных подушечках; в руках Эбрамара была небольшая золотая шкатулка.

Прибывшие шли величаво и торжественно и остановились перед молодыми людьми, в смущении и нерешительности смотревшими на них.

– Привет вам, мужественные работники, достойно использовавшие науку и данное вам могущество. Продолжайте идти тем же путем. А теперь примите следующую вам награду и дары от ваших братьев-магов, – сказал Эбрамар, открывая шкатулку.

Дахир и Супраматиды опустились на колени. Эбрамар обмакнул кисточку в голубоватую жидкость, находившуюся в шкатулке, и начертал ею знак на их челе. В ту же минуту на головах их вспыхнуло пламя.

– Это первый лепесток венца магов; по нему вас узнают все адепты и его устрашатся силы зла.

Затем с одной из подушек он взял два больших золотых нагрудных знака, сверкавших камнями, и надел им на шею, а с другой подушки – две магические чаши, которые дал им в руки. После этого он поднял их и обнял; два других мага также поцеловали их.

Затем, помолившись у жертвенника, все направились в пещеру, где молодые хозяева предложили гостям обед исключительно из произведений их острова.

Завязалась оживленная беседа, и Эбрамар сообщил ученикам, что сопровождавшие его маги решили поселиться на острове, оплодотворенном благодаря их труду, и построить здесь дом для специальных научных работ. Они уезжали в тот же вечер и должны были возвратиться через несколько суток. Эбрамар же рассчитывал провести на острове весь следующий день для подробного осмотра их царства, а вечером намеревался вместе с ними уехать в один из их гималайских дворцов.

На следующий день Эбрамар с учениками обошли остров. Все было тщательно осмотрено и Супраматиды с Дахиром дали отчет, какие способы они употребили на то, чтобы сделать плодородным и заселить порученный им пустынный клочок земли.

Эбрамар хвалил, судил и объяснял, дополняя свой осмотр теоретическими и практическими указаниями в области науки, примененной обоими адептами.

По возвращении в пещеру разговор продолжался на ту же тему.

Супраматиды показывал электрические снаряды, с помощью которых он ускорял развитие зародышей животных и растений, извлеченных из первобытной материи, добавив при этом, что не один раз пожалел о невозможности воспользоваться прямо таинственной эссенцией, которая могла в мгновение ока восстановить или создать вполне организм, как, например, дерево или даже человеческое тело.

– Но ты предписал нам идти медленным, научным путем, и мы старались не отступать от этой программы.

– Такое ограничение было необходимо для того, чтобы посвятить вас во все подробности работы механизма природы. А пользоваться первобытной материей относительно легко, – ответил с улыбкой Эбрамар.

– Да я вовсе не протестую против такого распоряжения, – мудрого и полезного, как всякое из твоих указаний, – ответил весело Супраматиды. – Я хотел задать другой вопрос. Признавая за первобытной материей свойство оживлять и восстанавливать, нельзя ли было бы при ее содействии предотвратить смерть планеты, оживить истощенные соки нашей земли. Это необыкновенное вещество до такой степени плодотворно, что достаточно будет бесконечно малых частиц, чтобы совершать настоящие чудеса. Нельзя ли сделать запасы жизненного эликсира в недоступных местах, и когда ослабнут или иссякнут внутренние источники, иным способом вдохнуть жизнь? Например, поливая землю, выращивать леса, возродить исчезнувшую растительность, хлеб что ли, для пропитания неимущих во время голода?

– Для всей планеты это было бы трудно; а местами такая помощь возможна. Но, во всяком случае, это будет искусственное оплодотворение, и как только запас первобытной материи, заложенный или впрыснутый в данное место, истощится, а возобновлять его неоткуда, все пойдет прахом и снова превратится в пустыню. Это была бы лишь гальванизация, а не воскрешение. Это ведь не человеческое тело; у организма планеты более сложные требования. Да

и мы, выпивая жизненный эликсир, разве не умираем в первый момент, пораженные, словно молнией, силой страшной, поглощенной нами стихии? Только впоследствии совершается воскрешение, и обновленный организм готов служить нам почти беспредельное время. Помнишь жертву Нарайяны, Лилиану, тело которой он окунул в жидкость, заключающую в себе первобытную эссенцию? Вспомни описание, как потом обновился ее организм.

– Да, учитель. В несколько месяцев она дошла до совершенной дряхлости и думала, что умирает от удара, а когда опомнилась, то снова сделалась молодой и сильной.

– Именно. Вот такие-то неполные смерть и воскрешение переживают планеты. Это то, что в индийских традициях называется «ночью Брамь».

Геологические перевороты потрясают планету, и жизнь как будто останавливается; а через некоторое время отдыха подкрепившая свои силы и обновленная земля принимается за прежнюю работу. И так до окончательной катастрофы, которая может быть ускорена или отдалена, смотря по тому, сэберегут ли или расточат обитатели планеты силы матери-кормилицы, – закончил Эбрамар.

– Все это я понимаю, но мне кажется, что установленный на нашей планете порядок не рационален и способствует ее разрушению. Почему человечество, населяющее нашу планету, не может быть бессмертно, то есть жить планетной жизнью и, в известных пределах, получать свое духовное воспитание? Давая надлежащую дозу грудным детям, можно было бы создать новое поколение людей и воспитывать его в желаемых условиях, почему и совершенствование его подвигалось бы быстрее.

Ведь и грустно и невеликодушно смотреть, как человечества наследуют друг другу, одно другого ненужнее, ничтожнее, порочнее. Сколько проходит бесполезных и зловредных жизней; сколько печали и страданий, тяжких утрат, страшных происшествий переживают люди прежде, чем умереть; а затем сменяются столь же бесполезными и злыми существами.

Если планете предназначено жить тысячелетия, почему же не допустить, чтобы ее населяли люди здоровые, сильные, красивые и ученые? Одного флакона первобытной материи достаточно было бы для миллионов людей, а места всем хватит.

Возьмем даже нашу планету. Сколько сотен миллионов людей, сверх нынешнего населения, могла бы она прокормить! Сколько неводеланных земель можно было бы обработать; сколько островов, даже маленьких материков, можно было создать по мере роста населения. Ведь пространство, занимаемое океанами, громадно.

Супрамати говорил оживленно, а Эбрамар слушал его внимательно и не прерывая. Когда молодой человек умолк, маг улыбнулся и ответил, поглаживая свою черную бороду.

– Все тобою сказанное кажется справедливым и логичным, а между тем проект твой хромает со многих сторон.

Во-первых, кончится тем, что места все-таки не хватит на всех; во-вторых, ты забываешь, что наша земля есть школа, скажу мимоходом, довольно низкого сорта, куда духи приходят, чтобы бороться, работать и изоцрять свои наклонности, как добрые, так и дурные. Как и во всякой школе, население на планете меняется, потому что необходимо освобождать вакансии для идущих снизу. В-третьих, ты не принимаешь в соображение, насколько разнообразны личности и что не всякий способен пройти «посвящение» вроде нашего; насколько оно трудно, вы знаете на опыте.

Чтобы достойно применять знание и могущество, какими вы обладаете, надо быть достойным их во всех отношениях. Представь себе, что делал бы человек преступный, одаренный бессмертием и страшным могуществом, которое дает наука?

– Ты прав, и мой прекрасный план оказался просто неосуществимой утопией, – произнес смущенно Супрамати.

– Отчего неосуществимой? Почему ты можешь знать, что опыт, о котором ты говорил, не был испробован где-нибудь в бесконечном пространстве? Позволь мне прибавить, что мысль

человеческая не может изобрести что-либо несуществующее. Невозможное не может зародиться в мысли; значит, всякая идея, какой бы странной она ни казалась, где-нибудь существует, иначе мысль не могла бы сформулировать ее.

Итак, то, о чем ты говорил – существует, и чем более душа и мысль развиты, обработаны и гибки, тем разнообразнее будут представления о возможном; ибо для невозможного не существует вовсе *ни выражения, ни сравнения*. То, что можно создать, выразить и сформулировать в чистой идее, есть вещь существующая. Не здесь, может быть, но где-нибудь в ином месте вселенной, и – как я уже сказал – чем выше и развитее ум, тем шире его понимания о вероятном и возможном, которые он и выражает, как художник в фантастической картине.

– Ах! – прошептал Супрамати. – Если бы можно было понять весь механизм творения; понять и увидеть цель этого восхождения, кажущегося бесконечным; понять многое, что кажется странным, даже несправедливым, и победить сомнение и страх, внушаемые нам конечной целью, остающейся для нас неизвестной. А если этот путь к совершенству не имеет предела? Если это – закон круговращения, никогда не прерывающий своего действия: умирать, чтобы оживать и жить, чтобы умирать?

– Нет, друг мой, оживленно ответил Эбрамар. – Божественная мудрость верховного и неисповедимого Существа, из Которого все исходит и к Коему все возвращается, не может быть нелогичной. Несомненно, все идет по совершенному плану, но только мы еще не в состоянии понять и объять вселенную в целом. Не забывай, что перед нами бесконечность во всех направлениях. Кто может сказать, где кончается воздушный океан, по которому плавают миллиарды планетных систем и туманностей? Насколько нам известно, никто никогда не доходил до его пределов и, сколь ни велико доступное нам пространство, оно ничто в сравнении с целым. В этой необъятности наша несовершенная мысль всюду наталкивается на неведомое, смущается и пугливо спрашивает: «есть ли конец»? Но логика отвечает, что там, где царствует и правит столь мудрая, божественная и милосердная сила, господствует и совершенная справедливость; а когда мы победим последнее сомнение и пройдем последнюю ступень, тогда сила наша и наука найдут несомненно достойное применение.

Пока не будем искать то, чего нельзя найти, не будем стараться постичь непостижимое, а будем бодро работать в нашем маленьком царстве.

К тому же теперь вам предстоит не подниматься, а спускаться в область заурядного человечества. Но пора ехать, друзья мои! Проститесь с уголком, который обязан вам жизнью, и в путь.

Супрамати и Дахир молча повиновались и в несколько минут уложили в ящики флаконы с первобытной эссенцией и разную мелочь, которую хотели сохранить на память.

Окинув прощальным взглядом пещеру, где текла их странная жизнь, они пошли помолиться в последний раз перед алтарем, воздвигнутым их волею, над которым блестел лучезарный крест, – тот таинственный огонь, исшедший из недр камня, переместившегося по их велению.

После краткой, но горячей молитвы они медленным шагом направились к песчаному берегу, и тяжело было у них на сердце.

Никогда еще ни одно дерево, куст или цветок не казались им столь близкими и дорогими, как теперь, когда они покидали их навсегда.

– Не знаю, почему мне так тяжело расставаться с этим местом? Казалось бы, что это – просто место учения, испытания; а между тем у меня такое ощущение, как будто невидимые цепи приковывают меня к каждому предмету, – со слезами на глазах заметил Супрамати.

Но и Дахир торопливо отер свои влажные от слез глаза.

– Чувство ваше совершенно естественно, друзья мои, и неужели вы сами не догадываетесь, чем внушено оно? – возразил Эбрамар.

Цепи, ощущаемые вами, отлиты из вашей собственной силы и ваших излучений, из астрального огня вашего существа. К каждому кусту, к каждому предмету, вы привязаны светлой нитью вашей воли, а потому вы очутились точно в паутине, и разрыв этой флюидической сети для вас тяжел.

По мере приближения к берегу около адептов собралась многочисленная толпа. То были обитатели острова, пришедшие проститься с наставниками и покровителями, понимавшими их и всегда выказывавшими им любовь и заботившимися о них. В умных глазах животных отражалась тоска разлуки.

Дахир и Супрамати ласкали жавшихся к ним животных, целовали шелковистые головки птичек, садившихся к ним на руки, и потом вошли в лодку, которая навсегда уносила их из того места, где над их челом засияла звезда магов, первый цветок мистического венца высшего посвящения.

Глава шестая

Для отдыха Эбрамар отвез своих учеников в тот гималайский дворец, где Супраматти в первый раз увидел своего учителя и покровителя. Эбрамар сказал, что им следует немного подготовиться к мирской жизни, к платью, которое придется носить в Европе, изучить всеобщий язык – нечто вроде эсперанто, – принятый в качестве международного; одним словом, им необходимо подготовиться, прежде чем вступить в людскую толпу, не возбуждая к себе внимания.

Программа эта заметно опечалила молодых людей. Они так отвыкли от светской суеты и шума, чувствовали себя так хорошо в уединении, на лоне прекрасной природы, в той умственной деятельности, которая заставляла их забывать о времени, что сознание необходимости покинуть это мирное и роскошное убежище было им невыразимо тяжело.

– Скажи нам, учитель, почему должны мы непременно снова войти в среду заурядного человечества? Мы были бы так счастливы побыть здесь с тобой и, признаюсь, мне отвратительна самая мысль смешаться с невежественной, порочной и пошлой толпой, – сказал Супраматти, когда они, сидя на террасе, беседовали о предстоящем отъезде.

– Правду говоря, мы довольно давно покинули Европу, и там все должно было измениться, – и нравы, и обычаи; мы будем совершенно не на месте и не будем знать, как держать себя, – прибавил Дахир.

– Тебе, Дахир, следовало бы быть рассудительнее, так как ты уже производил подобные опыты, попав из XV в XIX век, и всегда, однако, успевал ориентироваться. Вместо того чтобы ободрить Супраматти, самого младшего из нас, ты поддерживаешь его уныние, – неодобрительно отозвался Эбрамар. Поймите, дети мои, что эластичная душа мага должна уметь гнуться и применяться ко всяким положениям и, кроме того, не может становиться совершенно чуждой человечеству. Предназначенная нам в будущем роль ставит необходимым условием, чтобы мы всегда оставались до некоторой степени в сношениях и соприкосновении с поколениями, сменяющими одно другое на земле. Это – основной закон нашего братства, всегда точно сохранявшийся. Наши члены появлялись в обществе как простые смертные, смешивались с толпой и следили за ее физическим и умственным развитием. Таким образом, это – обязанность, которую вы неизбежно должны исполнить и, я уверен, исполните так же добросовестно, как относительно оживления бесплодного острова, – закончил с улыбкой Эбрамар.

– Ты прав, учитель, и я понимаю необходимость появляться время от времени в обществе людей; мне противно только ежедневное соприкосновение с этой суетою, – ответил Супраматти.

Дахир, сильно покрасневший на замечание Эбрамара, молчал, понурился.

– Ах, какой сегодня неудачный день! Неужели я в самом деле должен напоминать магу высшей степени, что во всем им предпринимаемом он должен по принципу гнать прочь от себя отвращение и сомнение, этих двух микробов, которые в корне подрывают всякую удачу в предприятии.

Увидя, что Супраматти также покраснел и опустил голову, Эбрамар добродушно сказал:

– Ну, милые мои друзья и ученики, к чему так трагически смотреть на вашу экскурсию в мире мимолетного земного человечества? Попробуем перебрать ее хорошие стороны.

Прежде всего нравственная сторона. Испытываемое вами отвращение вытекает отчасти из сознания вашего научного превосходства, высоко возносящего вас над толпой, и вам противно наткнуться на массу глупостей и всякой пошлости. Но, дети мои, сама наука есть вещь относительная.

Я знаю больше вашего и перед профаном я – полубог; а между тем я – *ничто*, слепой и убогий атом рядом с архангелом. Такое сравнение с высшими ступенями лестницы знания пре-

красно охлаждает нашу гордость и тщеславие. Но человек так создан, что ему иногда приятно стоять в первом ряду среди низших. Это поднимает в нем уважение к самому себе. Человек сознает, что он представляет нечто, и наслаждается скромным чувством собственного достоинства. Такое удовлетворение ожидает и вас, – с вашим знанием и жизненным эликсиром.

Вы тоже окажетесь полубогами. Вы в состоянии делать «чудеса» и попутно много добра; никто не мешает вам стать благодетелями рода человеческого, имена коих будут записаны в летописях народных. Эти имена были бы, разумеется, так же бессмертны, как и вы сами, если бы планета не таила коварного замысла развалиться, а с останками ее исчезнут в невидимом пространстве и имена всех героев, составлявших гордость народов.

Молодые люди, слушавшие с напряженным вниманием, весело рассмеялись.

– Ах, учитель! Ты набрасываешь тень на свою заманчивую картину для того, чтобы наше тщеславие не чересчур возросло, и чтобы нас не ослепили краткие и временные слава и бессмертие? – воскликнул Супрамати, к которому живо вернулись веселость и хорошее расположение духа.

– Вы оба неблагодарны и хотите поссориться со мною, – возразил, добродушно смеясь, Эбрамар. – Если ваша слава и окажется недолговременной здесь, на земле, тем продолжительнее она будет в другом месте.

Разве вы забыли, что мы переживем нашу землю и что на новой планете, куда попадем, мы сделаемся основоположниками новой цивилизации, имена коих будут чтиться наравне с Гермесом, Рамой, Заратустрой и прочими великими наставниками человечества, о которых сохранилось предание между людьми, как о божественных царях, современниках золотого века.

Шутка Эбрамара рассеяла тоскливое настроение его учеников. Разговор продолжался весело, и молодые маги живо трунили над своим будущим дебютом в свете и ожидавшими их там приключениями.

Последнее время Супрамати стал замечать, что подаваемая пища становилась все более существенной и чувствовал, что тело его делалось тяжелее.

На его вопрос Эбрамар ответил, что необходимо заблаговременно привести организм их в такое состояние, которое позволяло бы им жить и свободно вращаться в толпе, не возбуждая к себе внимания.

– Ведь вы не можете жить в миру питательным порошком. Вы обращаетесь в простых смертных, а потому должны жить, пить и есть, как все, но, конечно, вегетарианскую пищу. А по возвращении мы вас быстро очистим, будьте покойны, – прибавил Эбрамар.

Маг вручил им также книги с правилами и словарь всемирного, бывшего в употреблении языка, состоявшего из смешения всех европейских наречий и языков, в том числе и китайского. Привыкнув к другим, более трудным и отвлеченным занятиям, адепты без особого труда изучили новый язык, показавшийся им, говоря откровенно, крайне неблагозвучным и пошлым.

– Какой дикий говор, – нашел Супрамати.

Решено было, что они отправятся во дворец около Бенареса, где когда-то жила Нурвади; там их должен был встретить молодой посвященный низшей степени, который будет их руководителем и доставит по назначению. Он будет состоять при них в качестве секретаря и исполнять их приказания и поручения, в которых профан не мог бы разобраться.

Только относительно числа текущего года, перемен, происшедших на свете за время их отшельничества, а равно и места их назначения Эбрамар упорно не хотел ничего говорить.

– Пусть это вам будет сюрпризом, я не хочу портить свежесть впечатлений. Одно название, так же, как число, год и месяц, не представляют ничего без самой действительности, служащей им иллюстрацией, – дружеским тоном добавил он.

Наконец, настал час разлуки. Эбрамар благословил их, долго держал в своих объятиях, дал еще некоторые последние указания и проводил до выхода.

– Я не прощаюсь с вами потому, что мы всегда можем переговариваться, когда понадобится. В добрый путь, дети мои! У решетки за садом вас ожидают верховые лошади и свита. До Бенареса вы проедете по-старинному; здесь у нас мало перемен, а там вы уже попадете во власть новых цивилизаций.

Точно волна новой жизни захватила Супрамати и Дахира, когда золоченая решетка захлопнулась за ними. Они сели на великолепных коней в богатом уборе и в сопровождении нескольких индусов двинулись к Бенаресу.

Была уже ночь, когда они прибыли во дворец, оказавшийся нетронутым и в том же виде, как будто они только накануне покинули его.

Их почтительно встретил гораздо менее многочисленный штат прислуги, а в прихожей ожидал молодой человек с тем удивительным взглядом, который отличает бессмертных, и представился им как секретарь его светлости Леонтий Нивара.

С любопытством оглядывали друзья своего нового секретаря, который был не в индусском платье.

На нем было что-то вроде длинного сюртука светлого цвета с голубыми отворотами и шелковая рубашка, белая с голубыми полосами, без жилета, но с широким кожаным поясом.

– Это новая мода! – догадался Супрамати, удерживаясь от смеха при виде костюма и прически своего секретаря. – Боже милостивый, придется этак же вырядиться, – думал он, глубоко сожалея о том, что приходится покинуть льняные или шерстяные одежды, легкие и удобные, к которым он так привык.

После обильного ужина, какого они давно не имели, секретарь пригласил их в спальню, так как было время переодеться.

Прежде всего Нивара предложил им выкупаться в смежной комнате, где стояли две ванны с розовой, очень мягкой водой.

Затем секретарь помог им одеться.

Он достал из большой плетеной корзины и подал два полных костюма, состоявших из батистовых рубашек с мелкими складками на груди, узких черных брюк, кожаных ботинок, широкого черного атласного пояса, заменившего прежний жилет, и длинного черного бархатного сюртука с широкими отворотами, богато расшитым разноцветными шелками; на рукавах были такие же обшлага, из-под которых виднелись белые полотняные манжеты.

Под рубашку Супрамати повесил на голубой ленте свою звезду мага; она блестела, как маленькое электрическое солнце, и Супрамати скрыл ее под широким поясом. Отложной воротник рубашки повязал мягким галстуком из черного шелка и воткнул в него булавку с сапфиром, поданную Ниварой, а потом стал разглядывать себя в зеркало.

Костюм шел ему, был сделан со вкусом и изящно прост, но прическа не нравилась. Нивара коротко обстриг ему волосы на затылке и только на маковке и по бокам оставил густые кудри, которые свободно падали на лоб.

Дахир также был готов и, подойдя, похлопал его по плечу.

– Ну, довольно любоваться. Ты очень красив и будь покоен – в победах недостатка не будет... Никто не заподозрит, что ты уже старый повеса, – пошутил он.

Супрамати оглянулся и осмотрел его.

– Да ты так же хорош, как и я; прическа жирафом идет тебе еще больше, чем мне. Никто не подумает, что ты на четыреста лет старше меня, – возразил Супрамати, смеясь. – Ну, а относительно побед, ты наверно одержишь их больше моего, потому что я женатый и степенный человек.

– Ага! Нары испугался и завидуешь моей свободе? Мне-то не будут делать сцены, как тебе, если ты вздумаешь разыскать m-elle Пьеретту, – поддразнивал Дахир.

Но приход секретаря прервал разговор.

– Экипаж ваш подан, – сказал он. – Из багажа вы возьмете с собою только эти два сундука? – спросил он, указывая на два довольно большие ящика черного дерева с серебряными углами.

– Да, – ответил Дахир.

Друзья накинули на плечи черные плащи на шелковой подкладке, надели фетровые широкополые шляпы, взяли со стола перчатки желтоватой кожи и пошли за секретарем, который поднимался по витой лестнице, выходящей на площадку высокой башни; эта плоская крыша была окружена перилами.

Супрамати с любопытством огляделся кругом; очевидно, они поедут не по железной дороге.

Вдруг увидел он в воздухе большую звезду, приближавшуюся с головокружительной быстротой.

– Надеюсь, мы едем не на этой звезде? – спросил он, смеясь.

– Именно. Это ваш самолет, – отвечал с улыбкой секретарь. Минуту спустя длинный цилиндрический ящик в форме сигары, с двумя большими, круглыми, ярко освещенными окнами по концам, остановился на высоте площадки. Нивара отворил дверцу в балюстраде, вторая распахнулась в боку сигары, изнутри выкинули мостик, прикрепив его к железным кольцам, вдавленным в стену. Аппарат свистал и дрожал, как электрический фонарь.

Дахир и Супрамати перешли на судно, за ними Нивара, а слуга-индус перенес два сундука.

В маленьком освещенном коридоре их встретил господин, весь в черном, который поклонился им до земли и провел в крошечную гостиную, обитую золотистым атласом, с низкими мягкими креслами и черными лакированными столиками.

Самолет напоминал внутренним убранством вагон с тремя отделениями. Два из них были гостиная и спальня, затем шла комната для секретаря; а в каморках по концам помещались механик, слуга и багаж.

В спальне, меньшей, чем зала, были две низкие, узкие постели и умывальник с туалетным столом, все лакированное; в обивке и отделке преобладали цвета белый и голубой с золотом. Каждая из комнаток имела круглое окно, задернутое в ту минуту шелковой шторой.

Мгновенно был снят мостик, дверь захлопнулась, и легкая качка указала, что самолет двинулся в путь. Немного спустя слуга подал чай с бисквитами и молча удалился. Нивара больше не показывался.

После краткой беседы Дахир предложил идти поспать.

– Поздно, и я чувствую усталость; очевидно, нас везут куда следует, и когда понадобится, разбудят.

Любопытство, нетерпение и нервное возбуждение не дали им долго спать, и чуть стало светать, как они вышли уже в залу, и Супрамати поднял оконную штору.

Далеко внизу под ними виднелась земля; кое-где намечались строения и водные пространства; но быстрота полета не давала рассмотреть подробности. Тут он убедился, что у их воздушного экипажа было много спутников; черные массы самолетов всех размеров мелькали в воздухе во всех направлениях.

Супрамати наскучило смотреть и он сел; вскоре появился Нивара, а потом слуга с завтраком.

Насытившись, друзья подробно осмотрели интересовавший их механизм воздушного судна. Вообще, новый способ передвижения им нравился; удобства были полные, езда быстрая и не утомительная, как бывало на железных дорогах.

Наступил день, и солнце блистало так ярко, что пришлось опустить шторы.

– Ну, далеко ли мы еще от места нашего назначения? Кстати, не едем ли мы в Париж? – спросил Супрамати, вытягиваясь в кресле.

– О, нет, Парижа давно не существует: он уничтожен огнем. Супрамати побледнел.

– Как? Неужели пожар был таков, что мог уничтожить громаднейший город? Вероятно, разрушена какая-нибудь часть.

– Разрушено до основания все. Это была страшная катастрофа; во-первых, из земли вырвались удушающие газы, заражавшие воздух; далее почва дала трещины и много зданий разрушилось, а из земли хлынул огонь. Все газовые трубы и электрические провода вспыхнули. Это было целое море огня, пожравшего все.

Я везу вашу светлость в Царьград, или бывший Константинополь, – прибавил Нивара, желая, очевидно, рассеять тягостное впечатление, отразившееся на лицах путешественников, – и мы скоро прибудем.

– Константинополь еще принадлежит Оттоманской империи? – справился Дахир.

– Нет. Мусульмане уже давно изгнаны в Азию, где они основали единое, очень сильное даже в настоящее время государство, несмотря на конкуренцию Китая, тоже развившегося и захватившего Америку, наводненную желтолицыми.

Что касается Царьграда, то он теперь столица Русской империи, одного из могущественнейших государств мира, стоящего во главе великого всеславянского союза.

Ведь Австрия погибла; она распалась на составные народности. Одна часть, чисто немецкая, присоединилась к Германии, а остальные, в том числе и венгры, слились в славянском море.

– Но мы уже подходим, – сказал секретарь, заглядывая в окно. – Самолет опускается.

Дахир и друг его удивленно переглянулись.

– Вся новую географию и порядочный кусочек истории придется изучать, чтобы показаться приличными в свете, – заметил Супрамати со вздохом.

Подойдя к окну, он поднял штору; Дахир встал рядом.

Воздушное судно опустилось и значительно уменьшило ход. Теперь можно было ясно рассмотреть расстилавшуюся под ними картину.

Золотой Рог мало изменился, и по берегам моря, спокойного и гладкого, как зеркало, раскинулся колоссальных размеров город, над которым во многих местах возвышались здания огромной высоты, господствовавшие над прочими зданиями, точно маяки.

Вокруг этих построек теснилась, словно пчелы около улья, подлетая и улетающая, целая воздушная флотилия всех размеров.

Через несколько минут их самолет также подошел к обширной платформе, заполненной людьми.

Теперь наши путники увидели, что находятся на вершине огромного с Эйфелеву башню здания; длинный мост соединял башню, где они находились, с другим зданием одинакового размера и по этому мосту бегали взад и вперед вагончики с пассажирами.

Нивара объяснил магам, что эти два здания – пристани: одна для отъезжающих, другая для прибывающих; но так как на обеих пристанях были гостиницы и рестораны, то и движение между ними было очень оживленное.

Хотя по костюму Супрамати, Дахир и секретарь ничем не отличались от остальных, все-таки что-то привлекало к ним внимание, и многочисленные любопытные взгляды останавливались на путешественниках, когда они, в сопровождении Нивары и слуги, медленно двигались по платформе, а потом спускались в залу с подъемными машинами.

Спуск кончился круглой большой залой, вокруг которой виднелись сводчатые двери, подобно той, из какой они вышли; за ними были другие подъемные машины. Пространство между дверями заставлено было деревьями, креслами и диванами красной кожи, столами и этажерками с книгами и журналами; посреди залы в бассейне бил серебристый сноп воды.

Было решено, что Дахир появится в свете под именем принца Дахира, младшего брата Супрамати. Да и на самом деле они любили друг друга и считали себя братьями.

Через одну из многочисленных дверей они вышли на широкий открытый подъезд, где внизу их ожидал экипаж, походивший на автомобиль, но много легче и изящнее.

Когда маги и секретарь уселись, Супраматти спросил:

– Куда мы едем?

– В ваш дворец, где все готово для приема вашей светлости и вашего брата. Я приказал ехать не прямо, дабы вы могли посмотреть город, – прибавил Нивара.

Медленно, очевидно, умышленно экипаж катился длинными улицами, усаженными деревьями и украшенными скверами с фонтанами и цветниками; вообще, зелень была в изобилии.

Наружный вид домов мало изменился; только фасады были чрезвычайно причудливо разукрашены в новом стиле, который показался Супраматти малоизящным и с претензиями.

Через бронзовую резную арку с надписью «Торговые галереи» экипаж въехал в великолепный сад.

В тенистых аллеях его возвышались беседки, киоски и галереи с магазинами. Тут собраны были разнообразнейшие и богатейшие произведения всех стран света. Сотни экипажей двигались во всех направлениях, а в аллеях, назначенных для пешеходов, стояло множество скамеек, занятых посетителями.

Новый Константинополь стал бесспорно великолепнейшим городом; старых кварталов с восточным обликом, узкими улицами, базарами, прежним типичным населением нигде не было видно.

На вопрос Супраматти Нивара ответил, что на окраине города остался еще один восточный квартал; сохранилась также и часть древних византийских стен, сберегаемых и поддерживаемых как исторический памятник седой старины.

Живой интерес, возбужденный видом города, кипевшего жизнью, от которой Супраматти и Дахир совершенно отвыкли, так поглотил их, что они не знали, куда смотреть, и впечатления путались. Тем не менее вид нескольких лиц среди мелькавшей толпы их поразил, и у Супраматти вырвалось восклицание.

– Взгляни, Дахир, на этих троих. Может быть, у меня куриная слепота, но неужели ныне на улице допускается подобное бесстыдство.

В это время они пересекали улицу и несколько пешеходов остановилось, давая дорогу экипажу. Внимание Супраматти привлекли две дамы и мужчина, одетые или, вернее, раздетые самым неприличным образом на взгляд людей, проникнутых еще старыми воззрениями на благопристойность.

На дамах было только нечто вроде газовой рубашки, доходившей до щиколотки, но такой прозрачной, что тело видно было во всех подробностях. На цветном шелковом поясе сбоку висел большой с кружевами вышитый мешочек; ноги были обуты в золоченой кожи сандалии с кольцами на пальцах; на руках были кожаные перчатки до локтей; соломенная шляпа на высокой прическе и зонтик дополняли туалет.

Костюм господина был не менее откровенным. Короткая рубашка из такой же прозрачной материи была стянута у пояса кожаным кушаком с привешенными к нему по обе стороны большими и тоже кожаными сумками, на шее висела золотая цепь с часами и маленькой памятной книжкой; на голове широкополая шляпа, как у Супраматти.

Держа под мышкой портфель, он курил сигару и весело болтал со своими знакомыми.

– Какие бесстыдники! Что это, сумасшедшие или маньяки? И как позволяют им ходить по улицам, оскорбляя общественную нравственность! – с негодованием сказал Супраматти.

– Я уже видел подобных господ на пристани и в коммерческой галерее и был крайне поражен, – заметил Дахир.

Молодой секретарь равнодушным взглядом окинул странных прохожих и, по-видимому, несколько не поразился их видом.

– Это члены общества «Красота и природа», – ответил он. – По их убеждению, тело человеческое, высшее создание природы, не может быть неприличным, и только лицемерие да ложная стыдливость требуют прикрытия его. Если дозволяется показывать лицо, руки, шею и т. д., – говорят они, – то смешно закрывать остальное, столь же прекрасное, совершенное и полезное. Нагота, как и красота, «священны» по их понятиям, а так как теперь – полная свобода мнений, то их оставляют в покое и никто не обращает на них внимания.

– Много ли таких поклонников святой наготы? Ну, а зимой они тоже ходят раздетыми по улице? – насмешливо спросил Дахир.

– Их особенно много во Франции и Испании, но вообще – они встречаются везде. В XX веке были сделаны первые попытки завоевать наготу право гражданства в общественной жизни; сначала явилась сильная оппозиция, которая мало-помалу слабела, а так как адепты стояли твердо за свои убеждения, то понемногу отстояли свои права. Сперва они появлялись на сцене, в живых картинах; потом они учредили особые кружки, а когда наступила эра безграничной свободы личности, они начали расхаживать и по улицам. Теперь к ним привыкли; у них свои клубы, казино, собрания, театр и т. д. Зимой же и вообще в холодную погоду они носят обыкновенное платье, а в прочих местах остаются верны своим убеждениям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.